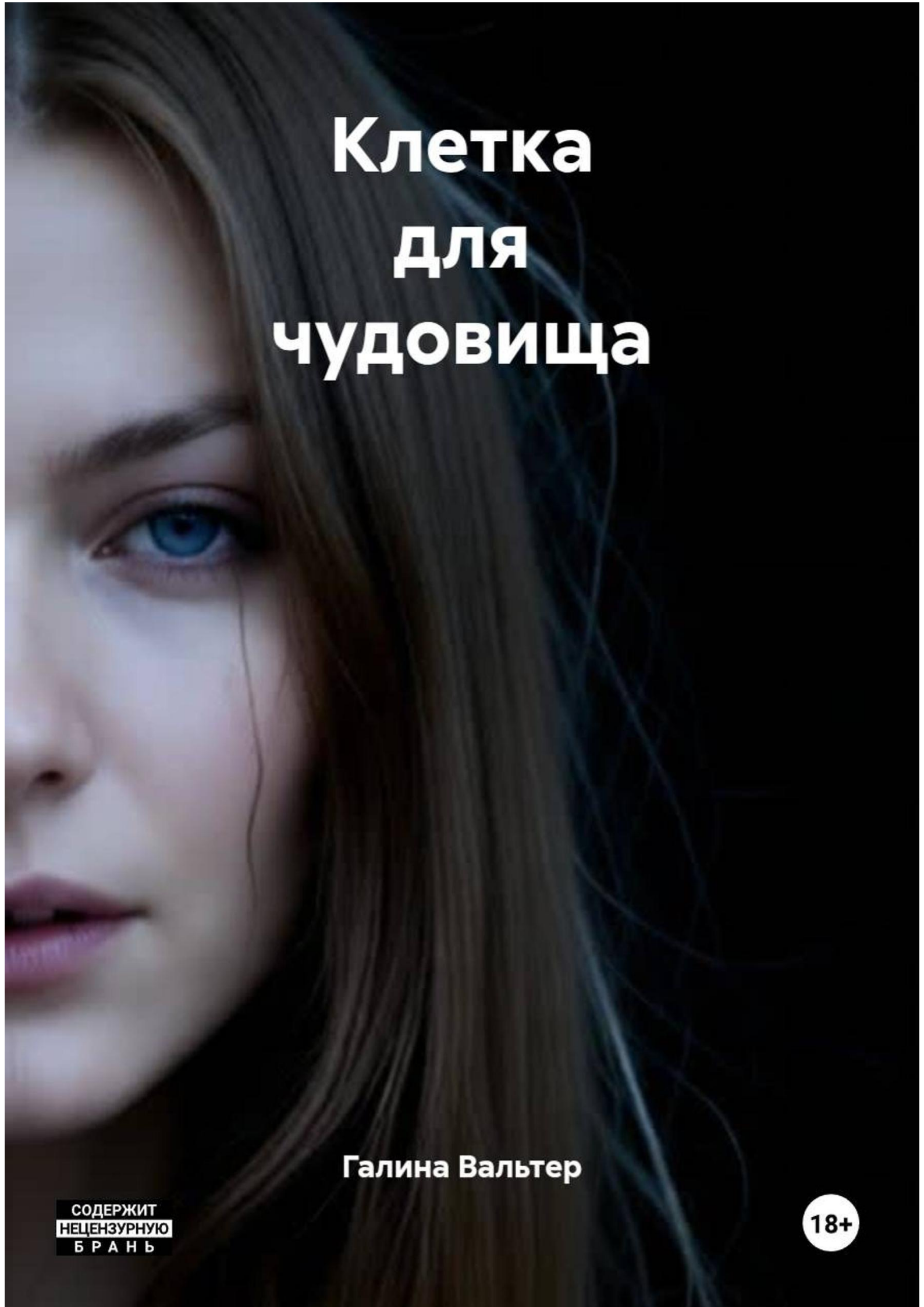

Клетка для чудовища

Галина Вальтер

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Галина Вальтер

Клетка для чудовища

«Автор»

2026

Вальтер Г.

Клетка для чудовища / Г. Вальтер — «Автор», 2026

Он — харизматичный владелец антикварной лавки, интеллектуал и безупречный лжец, способный просчитать любое человеческое действие на много шагов вперед. Для окружающих он — эталон обаяния. Но за маской скрывается надломленный человек с глубокой детской травмой. Панический страх одиночества и отвержения породил внутри него темное, безжалостное чудовище. Его извращенная логика проста: если женщина не хочет оставаться добровольно, ее нужно удержать силой. Каждая новая жертва — это попытка унять внутренний крик, но монстр требует полной власти над чужими жизнями. Сможет ли он удержать контроль над собственным безумием, или клетка, которую он так тщательно строил для своего чудовища, захлопнется изнутри, навсегда заперев его в ловушке собственного разума?

© Вальтер Г., 2026

© Автор, 2026

Галина Вальтер

Клетка для чудовища

Клетка для чудовища

ПРОЛОГ

Тьма, которая окутывает мою душу, не вызывает во мне ни страха, ни давления, ни ощущения, что безумие начинает играть в мыслях своими хаотичными нотами. Она просто

существует — как нечто само собой разумеющееся, как фон, который никогда не исчезал. Она тихая, ровная, почти спокойная. В ней нет агрессии, нет боли, нет крика. Это скорее состояние, когда внутри — глубокая, звенящая пустота, которая перестала быть чужой. И именно в этой тишине мозг начинает свою опасную работу: он ищет оправдание,

сочувствие, объяснение. Он пытается логически обосновать то, что не поддаётся логике. И это самый тревожный момент из всех возможных. Потому что когда мозг перестаёт подавлять, перестаёт защищать тебя от самого себя, и начинает просто выдавать то, что ты чувствуешь — без фильтров, без искажений, без попыток смягчить удар — это уже не просто осознание. Это принятие. Это зеркало, в котором ты видишь не отражение лица, а отражение своей внутренней пустоты.

И речь здесь совсем не про ужасы, не про фильмы, не про то, как якобы "сыграть монстра". Это не метафора и не художественный образ. Это реальнее, чем что-либо вокруг. Речь про пустоту. Про травму, которая стала твоей второй кожей. Про человека, у которого внутри давно уже ничего нет — ни голоса, ни чувства, ни желания. Человека, который остался один на один с этой тишиной и перестал ждать, что кто-то придёт. И вот здесь становится по-настоящему не по себе. Потому что в этот момент ты понимаешь: это не временное состояние. Это не чёрная полоса. Это ты сам. И значит это только одно — "ИГРА НАЧАЛАСЬ". Игра, в которой ставка — твоя способность вернуться к себе или окончательно раствориться в этой принятой пустоте.

Галина Вальтер.

ГЛАВА 1

Нью-Йорк, Воскресенье

28 сентября 0:35

Эмма поздно возвращалась домой по темным ночным улицам Нью-Йорка. Ночь была не

по сезону теплая — такое случается в конце сентября, когда лето вдруг решает задержаться и дарит городу последние тёплые дни. Небо почти безлунное, лишь редкие облака проплывали над головой, заслоняя звёзды, которые, несмотря на световое загрязнение мегаполиса, светили ярко и отчётливо. Ветра не было, воздух застыл, как перед грозой, но гроза не собиралась начинаться. Прохожих на удивление было мало — обычно в это время улицы Манхэттена ещё полны людей, спешащих по делам или возвращающихся с вечерних встреч. Но сегодня город словно вымер, оставив лишь редкие фигуры, быстро исчезающие в переулках.

Проклиная этот ужасно тяжёлый рабочий день, Эмма машинально перебирала в голове

все неудачи последних недель. Руководитель, мистер Харрис, никогда не давал ей шанса проявить себя: её статьи либо отклоняли, либо передавали более опытным коллегам, которые приписывали себе все заслуги. Коллеги — в основном старшие журналисты с

многолетним стажем — откровенно недолюбливали её. Они считали её выскочкой, слишком

молодой и наивной, и постоянно находили повод уколоть: то "забудешь о дедлайне", то "этот материал слишком сложен для тебя". А тут ещё проблема с квартирой — арендодатель

внезапно расторг договор, и ей нужно срочно освободить жильё в течение недели. Денег на новую квартиру почти не осталось, а на зарплату начинающего журналиста в Нью-Йорке

не разгуляешься. Эмма чувствовала, как земля уходит из-под ног.

Эмма была молодой стройной светловолосой красивой девушкой, начинающей журналисткой,

которая, как и многие, приехала в Нью-Йорк в погоне за мечтой — стать успешной, писать

важные истории, которые меняют мир. Но, как оказалось, всё намного сложнее. Жить в большом городе, где каждый готов пойти по головам ради своей выгоды, оказалось невыносимо трудно для мягкой, хрупкой девушки вроде Эммы. Она слишком доверчива, слишком добра, чтобы играть по жестоким правилам этого города. В голову закралась мысль: может, вернуться в родной Питтсбург, штат Пенсильвания? Там её ждёт сестра,

там

тепло и безопасно. Эмма выросла в Питтсбурге вместе со своей старшей сестрой Эшли. После смерти родителей — они погибли в автокатастрофе, когда Эмме было всего четырнадцать — сестра взяла на себя опеку. Эшли тогда было девятнадцать. Она

пожертвовала своими юными годами, работая в маленькой кофейне, которая досталась им от

родителей, чтобы прокормить их обеих. Эмма скучала по сестре, по их уютным вечерам, по

запаху свежемолотого кофе, который наполнял их маленькую квартирку. Она была бесконечно благодарна Эшли за всё, что та для неё сделала.

Погрузившись в свои мысли, Эмма не заметила, как свернула не туда. Она оказалась в пустом и тёмном переулке, где единственным источником света был тусклый фонарь в конце. Лишь отдалённо слышались эхом звуки проезжающих машин — где-то далеко, словно в

другом мире. Оглянувшись по сторонам, Эмме стало не по себе. Сердце тревожно заби-лось.

Ей показалось, что за ней кто-то следит. Это было не первое такое чувство за последние дни — она замечала странности: кто-то будто бы ходил за ней по пятам, но каждый раз, оборачиваясь, никого не видела. Нарастающее ощущение тревоги не покидало её.

Мужчина, стоявший в темноте, наблюдал в ожидании. Он стоял неподвижно, сливаясь с тенью, и смотрел на неё с восхищением. Она была так красива сегодня. Пальто светло-голубая блузка подчёркивала ярко-голубые глаза, которые в сумраке казались почти светящимися. Чёрные широкие джинсы очень сексуально выделяли её узкую талию и в меру

широкие бёдра. На ногах — чёрные сапожки на высоком каблуке, отчего её походка становилась особенно грациозной, но в то же время неуверенной на неровном асфальте переулка. Словно почувствовав на себе его взгляд, она обвела взглядом пустую улицу.

Эмма ускорила, как вдруг позади себя услышала шаги — чёткие, ритмичные, слишком отчётливые в ночной тишине. Трудно дыша, она старалась не оглядываться, шаг за шагом наращивая темп, пока не перешла на бег. Тень за ней не отставала.

Он преследовал её как хищник, и чем быстрее бежала Эмма, тем больше его охватывал азарт игры, охоты. В предвкушении того, что вот-вот он её нагонит, он бежал ещё быстрее. Уже чувствовал запах её парфюма — лёгкий, цветочный, с нотками ванили. Адреналин пульсировал в висках, дыхание стало ровным и глубоким, как у бегуна на длинные дистанции. Он уже представлял, как ощутит её нежную кожу, посмотрит в её голубые, полные ужаса глаза, услышит её голос, когда она будет умолять о пощаде. Он выбрал её сразу, как увидел выходящей из кофейни, в которую она заходила каждое утро перед работой и покупала всегда латте без сахара. Он долго продумывал план, как завладеть ею, следил за ней уже несколько недель. Наблюдал. Узнавал её. Знал о ней всё: где работает, когда заканчивает смену, какой маршрут выбирает, куда ходит по выходным, что любит есть, какие книги читает.

Но он не был чудовищем, не был злым по натуре. Просто у него имелся чёткий, проработанный план, наполнявший жизнь смыслом и порядком. Сознание собственной власти

опьяняло. Он выучил путь от её работы до квартиры, видел, как тяжело ей было снимать квартиру, которая ей не по карману. Он хотел помочь ей, спасти от этой унижительной борьбы за выживание. Он видел её расстроенной, весёлой, с небрежным пучком на голове,

когда она шла завтракать. Он хотел наказать каждого, кто преграждал её путь к успеху: этого мерзкого Харриса, завистливых коллег, жадного арендодателя. Он всегда был рядом,

только она этого не знала. Не знала, что он готов сделать ради неё. Но он ей покажет, и она полюбит его так же, как и он её.

Убеждая себя, что с ней всё будет по-другому, не так, как с предыдущей, он вспоминал ту, другую — ту, что предала его, разрушила его доверие. Но Эмма другая. Лучше. Она с ним так не поступит. В этот раз он всё сделает правильно.

Эмма бежала так быстро, как могла, петляя по переулкам, пока не заметила узкую нишу между стеной и мусорным контейнером. Она вжалась в темноту, тяжело дыша, пытаясь успокоить сердце, которое готово было выпрыгнуть из груди. По щекам текли слёзы, смешиваясь с потом и тушью, в голове пульсировала кровь. Стало тихо — шаги прекратились. Она осторожно высунулась из своего укрытия, чтобы убедиться, что опасность миновала. Пусто. Темно. Она сделала шаг вперёд, и в этот момент позади раздался звук — шорох, короткое движение воздуха. Сильный удар по голове — и разум Эммы погрузился во тьму.

ГЛАВА 2

Эмма очнулась в больничной палате, и первое, что она почувствовала, был яркий, слепящий свет, режущий глаза даже сквозь плотно сжатые веки. Она зажмурилась сильнее,

но белый свет просачивался сквозь кожу век, окрашивая всё в болезненно-красный цвет. Голова гудела, словно после долгого и глубокого сна, из которого её грубо вырвали.

Она медленно приоткрыла глаза, шурясь и моргая, пытаясь привыкнуть к освещению.

Перед

ней был белый потолок с трещиной в углу и длинной люминесцентной лампой, которая гудела едва слышно, но настойчиво. Она повернула голову в сторону — шея была ватной, мышцы не слушались. Сбоку от неё стояла белая больничная прикроватная тумба.

Металлическая, с царапинами по краям и пустой пластиковый стаканчик на верхней полке.

Рядом стоял стул, такой же металлический как и прикроватная тумба, на спинке которого

висела её сумочка.

Собрав остатки сил, Эмма попыталась приподнять голову, но резкое, пронзительное движение в затылке заставило её скривиться от невыносимой, разрывающей боли. Кажется,

что в черепной коробке пульсирует раскалённый шар, отдающий жгучими искрами в каждое

нервное окончание. Она замерла, боясь сделать лишнее движение, и медленно, с трудом, пыталась воспроизвести в сознании обрывки минувших событий. Память словно заволокло

густым туманом — образы всплывали хаотично, сменяя друг друга, не складываясь в единую

картину. Мысли путались, кружились в бешеном хороводе, не давая ухватиться за что-то конкретное. И вдруг, словно молния среди ночного неба, её пронзило осознание: на неё напали. Эмма выкрикнула это почти беззвучно, но в её голосе слышалась такая боль и отчаяние, что слёзы мгновенно наполнили глаза, горячими дорожками скатываясь по бледным щекам.

В этот момент дверь палаты резко распахнулась, и на пороге появилась невысокая, темноволосая женщина средних лет. На её лице выделялись очки в тонкой металлической

оправе, которые удивительно гармонировали с её добрыми, тёмно-карими глазами, излучавшими тепло и участие. Она представилась с мягкой, но профессиональной уверенностью:

—

Здравствуйте, я доктор Милс. Как вы себя чувствуете, Эмма? — женщина подошла ближе,

остановившись у изголовья. — Вы лежали без сознания в переулке. Кто-то вызвал скорую,

но когда медики прибыли, рядом с вами никого не было. Вы помните, что произошло?

Эмма с трудом разлепила пересохшие губы — во рту ощущался неприятный привкус горечи,

язык казался ватным и непослушным. Мысли путались, головная боль усиливалась при каждой попытке сосредоточиться, но она заставила себя говорить:

—

Я возвращалась с работы... — голос звучал хрипло и надломленно. — Вдруг... за мной начал идти какой-то человек. Он напал на меня, а потом... потом я очнулась здесь.

Доктор Милс внимательно посмотрела на пациентку, в её взгляде мелькнула тревога. Она помолчала мгновение, словно подбирая слова, затем произнесла:

—

Вас ударили по голове. К счастью, всё обошлось — вы отделались сотрясением мозга, но вам придётся провести несколько дней в больнице под наблюдением. Всё будет хорошо, милая. Постарайтесь отдохнуть. Позже к вам придут полицейские, я уверена, они най-

дут

того, кто это сделал.

С этими словами доктор Милс слегка улыбнулась, поправила одеяло на краю кровати и бесшумно вышла, оставив дверь приоткрытой. В палате снова воцарилась тишина, тягучая и

давящая, словно густой кисель. Эмма осталась одна, наедине с хаосом своих мыслей и пульсирующей болью. Она лихорадочно перебирала в голове вопросы: кто мог её преследовать? Кому понадобилось нападать на неё? Кто, в конце концов, вызвал скорую, если рядом, как утверждала доктор, никого не было? Ведь она лежала там, без сознания, посреди пустых, тёмных улиц, и если бы не этот неизвестный, её могли бы не найти до утра. Или, может, это просто какой-то бездомный, решивший её ограбить? В этих ночных переулках, которые она так опрометчиво решила сократить, полно всяких отморозков, способных на всё ради лёгкой наживы. А ещё там ошиваются наркоманы, готовые на любую

подлость ради дозы. Эмма вспомнила, как Кристина, её лучшая подруга, не раз предупреждала: «Не ходи этой дорогой, это опасно!» И вот теперь, лёжа на больничной койке, она думала о том, как ей повезло остаться в живых. Погружённая в эти тягостные размышления, она не заметила, как усталость взяла своё, и провалилась в глубокий, тяжёлый сон, полный обрывков тревожных образов.

Прошло несколько часов. Когда дверь палаты снова открылась, Эмма вздрогнула, пробудившись от беспокойного забытья. В палату вошли двое полицейских. Первым был мужчина средних лет, с тёмными, слегка тронутыми сединой на висках волосами. Его

лицо

хранило следы усталости — веки, с возрастом начавшие опускаться, придавали взгляду какое-то задумчивое выражение, но синие глаза, несмотря на усталость, оставались выразительными и цепкими. Одет он был в тёмно-серое пальто, под которым угадывался чёрный свитер, и классические чёрные брюки. Весь его облик — от осанки до спокойного,

немного отстранённого взгляда — напомнил Эмме Шерлока Холмса из старых иллюстраций.

Рядом с ним стояла женщина лет тридцати пяти, элегантная и стройная. Её чёрные, идеально прямые волосы падали до плеч, обрамляя лицо с выразительными зелёными глазами, которые смотрели с профессиональной внимательностью. Она была одета в строгий

чёрный костюм, дополненный таким же чёрным пальто, чуть выше колен. В руках она

держала кожаную папку.

Здравствуйте, Эмма. Я детектив Дэвид Фостер, а это детектив Эмили Хилс, —

—

представился мужчина, присаживаясь на стул, стоявший у кровати. Женщина осталась стоять, чуть поодаль.

—

Здравствуйте, — произнесла Эмма хриплым, севшим голосом, с трудом сглатывая.

—

Мы зададим вам несколько вопросов о том, что с вами случилось, — начал Фостер, доставая из внутреннего кармана блокнот.

—

Итак, расскажите нам, что вы помните о минувшей ночи? — спросила детектив Хилс, её голос звучал ровно, но в нём чувствовалась мягкая настойчивость.

—
—

Я... поздно возвращалась с работы, — начала Эмма, стараясь сосредоточиться. Во сколько это было? — уточнила Хилс.

Эмма задумалась, пытаясь вытянуть из памяти точное время. — Около часа ночи. Я задержалась на работе, хотела закончить статью, потому что не успевала сдать её вовремя. Такси не стала вызывать — ночь была тёплая, и я решила прогуляться пешком.

И,

как обычно, сократила дорогу домой... через те переулки.

—
—
—

Значит, вы часто возвращаетесь этим путём? — спросил Фостер, поднимая глаза на неё. Да, — ответила Эмма, чувствуя, как в груди зарождается тревога.

А раньше вы не замечали ничего странного? Может, кто-то следил за вами? — в голосе детектива прозвучала цепкая нотка.

Эмма вдруг замерла. Воспоминание вспыхнуло ярко, как молния: да, она уже видела тень, ощущала чей-то взгляд в спину. Сердце пропустило удар, глаза расширились от ужаса. — Да... замечала. Но я списала это на усталость, подумала, что мне показалось, — её голос дрогнул.

—
—

Вы видели лицо нападавшего? — спросил Фостер, чуть подавшись вперёд.

Нет. Всё произошло слишком быстро. Я... заметила какое-то движение позади, ускорила шаг, потом побежала. Слышала только, как кто-то приближается, а потом... очнулась уже здесь, в больнице.

Фостер кивнул, записывая что-то в блокнот. Затем он спросил: — При вас была сумочка, как нам сообщила доктор Милс. Скажите, что-нибудь из неё пропало?

Эмма с трудом дотянулась до маленькой сумочки, висевшей на спинке стула. Она заглянула

внутрь, пальцы нащупали знакомые предметы: кошелёк, телефон, ключи от квартиры. — Ничего не пропало, — произнесла она, удивлённая этим открытием.

—

Скажите, Эмма, в вашей сумочке находились ещё какие-то вещи, которые могли бы представлять интерес для грабителя? — уточнил Фостер.

—
—

Нет, детектив. Только то, что я перечислила.

Значит, ограбление мы исключаем, — подытожил Фостер, обменявшись взглядом с напарницей. — Если вы ещё что-нибудь вспомните, обязательно позвоните нам, — он протянул Эмме свою визитку.

—

Хорошо, сэр... но вы ведь найдёте его? — в голосе Эммы смешались страх и отчаянная надежда.

—

Мы сделаем всё возможное. Поправляйтесь, Эмма, — сказал детектив, поднимаясь. Оба полицейских коротко кивнули и покинули палату, оставив дверь полуоткрытой.

Эмма снова осталась одна. Тишина давила на уши, и казалось, что головная боль от этого становилась только сильнее — тупая, пульсирующая, она растекалась от затылка по всей голове. Девушка глубоко вздохнула, и в этот момент её мысли обратились к сестре, Эшли.

Они общались редко, слишком редко, но сейчас Эмма остро почувствовала потребность услышать её голос, почувствовать родное тепло. Глаза снова наполнились слезами, и она уже потянулась за телефоном, чтобы позвонить, как вдруг дверь снова распахнулась — на этот раз резко, почти с шумом.

В палату влетела Кристина, лучшая и, пожалуй, единственная настоящая подруга Эммы.

Они

познакомились на работе, в редакции, и с тех пор стали практически неразлучны.

Кристина была для Эммы старшей сестрой, которую та никогда не имела, — всегда гото-
вая

помочь, поддержать, выслушать. От неё исходила такая тёплая, светлая энергия, что даже в самые мрачные минуты на душе становилось легче. Кристина Хастингс происходила из богатой семьи, и сама была успешнее Эммы — уже год проработала в их редакции, но никогда не кичилась этим. Девушка была маленького роста, хрупкого телосложения, с длинными, волнистыми шоколадно-коричневыми волосами, которые мягко спадали на

плечи.

Её миловидное лицо украшали большие карие глаза с густыми, длинными ресницами, аккуратный маленький носик и пухлые, чуть приоткрытые от волнения губы.

—

О мой Бог! Что с тобой случилось, Снежинка? — выкрикнула Кристина, используя ласковое прозвище, которое дала Эмме за её светлые, почти белокурые волосы, голубые глаза и белоснежную кожу. — Я так за тебя перепугалась! — она стояла на пороге, с растерянным и одновременно испуганным видом, держа в руках букет свежих цветов и бумажный пакет.

Кристина положила цветы на прикроватную тумбу, поверх стаканчика с водой, и села на край кровати, сжимая руку подруги в своих. — Я очень испугалась за тебя, милая. Я же говорила тебе: не ходи по этим улицам, это небезопасно! — её голос дрожал, почти срываясь на писк.

Эмма с трудом улыбнулась, чувствуя, как тепло от прикосновения подруги немного разгоняет холод тревоги. — Теперь всё хорошо... Правда, в ближайшие несколько дней я на больничном, а статью я так и не закончила, — с грустью закончила она.

—

Ну и чёрт с этой статьёй! — воскликнула Кристина, махнув рукой. — Лучше посмотри, что я тебе принесла! — она распахнула пакет, доставая по очереди фрукты, баночку вишнёвого йогурта — любимого йогурта Эммы — и небольшой термос. — Вот, куриный
бульон.

Смотри-ка, ещё горячий! Тебе нужно подкрепиться, — сказала она с широкой улыбкой, в которой смешались забота и мягкое упрямство.

Эмма знала, что спорить бесполезно. Подчинившись, она взяла ложку и принялась есть, чувствуя, как тёплый бульон согревает её изнутри. Кристина пробыла с ней ещё около часа, время близилось к вечеру, и за окном начало темнеть, разливая по небу сумеречные тени. После пары уколов, которые поставила медсестра, Эмму начало клонить в сон.

Кристина нежно поцеловала подругу в лоб, попрощалась и направилась к выходу, но перед

тем как исчезнуть за дверью, обернулась и сказала: «Я позвоню завтра, Снежинка. Отдыхай». Дверь закрылась, и Эмма осталась одна в полумраке палаты.

Но даже в полусонном состоянии её мозг продолжал лихорадочно работать. Если это было

не ограбление — ведь ни одна вещь не пропала, — то кто на неё напал и зачем? Что-то не складывалось. Но лекарства, которые уже начали действовать, взяли верх, и сознание медленно погружалось в вязкую, бесформенную темноту. Эмма провалилась в сон, где её снова преследовали тени и незнакомые шаги.

ГЛАВА 3

Он сидел в своём кресле — глубоком, кожаном, с высокими подлокотниками, которые уже

давно истёрлись от постоянного касания пальцев. Кресло стояло в центре полумрака, плотно укутанного холодным синеватым свечением, исходящим от шести мониторов, выстроившихся полукругом. Свет их экранов играл на его лице неровными бликами: то холодно-голубыми, то жёлто-оранжевыми, когда на видео мелькали кадры уличных фона-

рей.

На каждом из мониторов было открыто множество окон — они громоздились друг на друга

слоями, как стопки бумаг на столе у безумного архивариуса. Географическая карта с десятками воткнутых маркеров; четыре видеозаписи, воспроизводящиеся одновременно

—

одна с камеры наблюдения у подъезда, другая с парковки, третья из холла офиса, четвёртая вообще непонятно откуда, просто поток лиц и силуэтов; открытый аккаунт в «Фейсбуке» с фотографиями улыбающейся девушки; десяток вкладок браузера, загру-

женных

форумами и базами данных; терминал с лентой кода, едва заметно бегущей строкой.

Сегодня он пребывал в задумчивом настроении — том особенном, когда мысли текут медленно, вязко, обволакивая каждую деталь, заставляя её обрастать новыми ассоциациями. Один писатель как-то сказал — может, кто-то из французов, — что глаза

—

это окна души. Фраза звучала красиво, но с оттенком той самой французской пафосности,

которую он одновременно презирал и которой втайне примерял на себя. «Ну что ж, — подумал он, чуть улыбнувшись одними уголками губ, — коли глаза — это окна души, то компьютерные мониторы — это окна рая и ада. А зачастую и того, и другого сразу». Ему нравилось, когда в голову приходили такие вот афористичные сравнения. В такие

моменты

он ощущал себя истинным интеллектуалом, почти философом, возвышающимся над серой

массой, довольствующейся шаблонными мыслями. Он откинулся в кресле, позволив себе несколько секунд просто смотреть на бегущие строки и вспышки уведомлений — как на далёкие звёзды, недоступные для обычного глаза.

И тут, беззвучно, как подкрадываясь тень, в его сознание ворвалась Эмма. Мысль о ней

возникла неожиданно, но властно, перекрыв весь гул информации. Воспоминания всколыхнулись с новой силой: та ночь, тёмный переулок, влажный асфальт, отражающий далёкий свет фонарей. Она заметила его — в темноте её глаза расширились, узнавание и страх смешались в одно мгновение. Он мог просто развернуться и уйти, затеряться в тенях, сделать вид, что ничего не произошло, что он просто случайный прохожий, заплутавший в незнакомом районе. Но что-то внутри — дикий импульс, неконтролируемое желание, голод, который он так долго пытался приручить, — оказались сильнее воли. Он шагнул вперёд, ударил, и мир раскололся на два куска: до и после. Теперь его будет искать полиция. Он знал это. Но почти сразу же, с холодной рассудительностью, он начал анализировать ситуацию: там было слишком темно, камер видеонаблюдения в том переулке нет — он проверил заранее, за несколько дней до встречи, как делал всегда. Эмма не видела его лица, только силуэт, размытое пятно, голос, который она не запомнит. У полиции нет никаких зацепок — ни отпечатков, ни свидетелей, ни записей. Спихнут всё на каких-нибудь бродяг или наркоманов — типичная история для этого района, рядовое ограбление, от которого отмахнутся, чтобы закрыть статистику. Но всё равно нужно было быть осторожным: видимость чистоты и непричастности требовалась ему как воздух. «Ох, Эмма, Эмма, — подумал он, и имя прозвучало в его голове как шелест шелка, — как же ты прекрасна. Такая чистая, такая невинная, будто вырезанная из рекламы мыла. Всеми силами старается стать журналистом, приехала в Нью-Йорк несколько месяцев назад из какого-то захолустного городка Среднего Запада. Как же я раньше тебя не заметил?» Вопрос риторический, но он требовал ответа. Может быть, его внимание было рассеяно, или просто до неё не дошла очередь в его бесконечном списке наблюдений. Но теперь этот белокурый ангел не покидал его мыслей ни на минуту. Он знал о ней всё — цифры, факты, привычки, слабости, тайные желания, которые она наивно считала похороненными глубоко внутри. Сразу же, как только решил её найти, он нашёл её страницу в «Фейсбуке» — это было проще, чем открыть дверь своим ключом. Объёмы информации, которую она вывалила напоказ всему миру, просто зашкаливали. Она не просто публиковала свою жизнь — она её транслировала, надеясь на одобрение, на тепло, на признание, не отдавая себе отчёта, что каждое слово, каждая фотография, каждый лайк становятся кирпичиками в стене, которую можно не только увидеть, но и преодолеть. Музыка, которую она любит — инди-рок и немного попсы, набор типичный для её возраста. Книги, которые она читает — романы, которые все хвалят, и пару-тройку по саморазвитию, чтобы казаться умнее. Её политические взгляды — умеренно либеральные, с долей подросткового идеализма, она ни разу не голосовала, но в ссылках пестрит репостами про права меньшинств. Вид из её окна — выходит на соседнюю кирпичную стену и небольшой дворик, где по утрам бежит собака соседа. Одежда, которая ей нравится — платья, джинсы, кеды, иногда очень откровенные наряды для вечеринок, которые она редко носит, но любит примерять и фотографировать.

Переписка с мужчиной, который ей вовсе не муж и даже не родственник, — мужчиной, который у неё в друзьях на «Фейсбуке» и подписан на неё в «Икс», бывшем «Твиттере»,

—

эта переписка была особенно сладкой и горькой одновременно. Её адрес, записанный в десятках скрытых цифровых уголков и закоулков — на страницах интернет-магазинов, в данных доставки, в приложениях такси, забытых и неочищенных. Тот факт, что она регулярно забивает в поиск определённого порноактёра — молодого, брутального, с короткой стрижкой, — всякий раз удаляя потом историю посещений браузера и беспечно полагая, что таким образом сохраняет свои секреты. Он смеялся, глядя на это — удале-

ние

истории не равно удалению данных, и он знал это лучше, чем кто-либо. А ещё — и это почему-то позабавило его больше всего, — Эмма Прайс сочинила пять плохо написанных стихотворений о несбывшихся мечтах и о том, как она мнит себя птицей. Стихи были ужасны — рифмы хромали, образы были наивными до слёз, но в них чувствовалась такая

искренняя, неподдельная боль, что он прочитал их несколько раз, наслаждаясь её уязвимостью.

Имена и лица: её подруга Кристина — та самая, с которой она ходит в парк и пьёт кофе в местном кафе, вечно смеющаяся, миниатюрная, с волнистыми волосами; и её мерзкий недопарень Джордж Данн — этот список можно было продолжать до бесконечности.

Джордж —

обычный мажорик, который только и может, что тусоваться со своими дружками-торчками,

ходить по клубам, снимать на видео пьяные выходки и... трахать мою Эмму. Подумав об этом, он сжал кулаки от злости: ногти впились в ладони, костяшки побелели. Он с силой ударил по столу — мониторы на миг вздрогнули, стакан с остывшим кофе чуть не опрокинулся. Так, нужно успокоиться. Злость — плохой помощник, она замутняет разум,

делает его слепым и глупым. Джорджа нужно изучить как можно лучше: его привычки, слабые места, точки приложения давления.

Несколько раз кликнув мышкой, поведив курсором по бесконечным папкам и закладкам, на

экране появился аккаунт Джорджа Данна. Профиль оказался публичным — это было даже

слишком легко. Две тысячи подписчиков, пятьсот семьдесят три публикации. На каждой

—

пьяные лица, грязные диваны, стойки баров, стаканы с виски, горы кокаина на стеклянных

столиках. Друзья-торчки с остекленевшими глазами, показывающие пальцами на камеру.

Их

лидер — какой-то мутный тип в кепке набекрень, с золотой цепью на шее. На каждой публикации — тусовки, выпивка, много разных девушек, которых он лапал за талию, за ягодицы, за всё, до чего мог дотянуться. На одной фотографии было даже запечатлено, как он кусает выпирающий через тонкое, едва прикрывающее ягодицы платье сосок смеющейся девушки — она закинула голову назад, глаза закрыты, в руке бокал.

Отвратительно. И как же Эмма себя не уважает, если связалась с таким уродом? Она —

ангел, она — свет, она должна принадлежать только ему, только его взгляду, его контролю.

Он откинулся на спинку кресла, провёл ладонью по лицу, сбрасывая напряжение. Веб-сайты, приложения и операционное программное обеспечение — все они по-своему совершенно предсказуемы. Уязвимости известны, методы взлома превратились в рутину,

в

скучную работу, которую можно делать с закрытыми глазами. С помощью пары скриптов, заранее подготовленных эксплойтов, базы данных уязвимостей — и ты уже внутри системы.

В отличие от взлома людей. Вот это ему никогда не надоедало. Потому что у каждого человека своё собственное причудливое программное обеспечение — невидимое, но работающее по строгим алгоритмам. Их страхи и слабости — это те же программные бреши и

бэкдоры, постоянно меняющиеся, перестраивающиеся, но всегда открытые для того, кто умеет смотреть. Стоит тебе проникнуть в них, как ты можешь творить практически всё что

удобно: заставить их делать то, что ты хочешь, чувствовать то, что ты хочешь, бояться того, что ты хочешь. Это всё равно что быть богом. Не каким-то абстрактным божеством из облаков, а настоящим, действующим, создающим и разрушающим реальности простым

нажатием клавиши.

Он вернулся к одному из мониторов, где запущенный скрипт уже обрабатывал данные. В одной из веток форума, на глубоком уровне даркнета, он обнаружил файл с несколькими тысячами имён пользователей и паролей с веб-сайта, торгующего всякой эзотерической фигнёй — от амулетов до курсов по астральным проекциям. «А вот это уже интересно...»

—

пробормотал он, открывая файл. Потому что, по его опыту, люди регулярно, частенько используют один и тот же пароль абсолютно для всего на свете. Они ленивы, они хотят запоминать только одну комбинацию, и это их ахиллесова пята. Таким образом, чьи-то пароли на этом сайте вполне могут оказаться и паролями к личным страничкам на «Фейсбуке», или на «Икс», или на десятках прочих основных веб-сайтов — и, что самое главное, к аккаунтам на «Гугл» и «Эппл». А аккаунт на «Гугл» — это ключ ко всему: почта, документы, фото, история поиска, привязанные карты, контакты, заметки. Загру-

жив

файл с паролями в базу, он активировал скрипт, который должен был прошерстить его и изучить каждое имя пользователя на предмет его наличия во всех социальных сетях и популярных веб-сервисах. Результаты будут примерно через час. Время можно было убить с

пользой.

Так что он вернулся к Эмме Прайс. Её профиль горел на центральном мониторе. У неё есть

сестра — старшая, живёт в другом городе, в Питсбурге, замужем, детей нет, и общаются они крайне редко. Раз в месяц — сухой обмен сообщениями, поздравления на праздники,

ни

тепла, ни доверия. У неё есть работа — захолустном кафе, которое досталось им от родителей, параллельно она пишет пресс-релизы для местных ресторанов. У Эммы более тысячи друзей на «Фейсбуке» — большинство из которых она видела в жизни не больше одного-двух раз. На её фотографиях в «Инстаграме» удовлетворение от жизни буквально

лётся через край — она улыбается, позирует, ест, пьёт, гуляет, всё в ярких фильтрах. Вот она в местном кафе — сидит за столиком, перед ней чашка капучино и круассан, на заднем плане размытый интерьер; вот она с подругой Кристиной во всех видах в одном и том же парке — на скамейке, у фонтана, возле цветущей яблони; вот её ужин в одиночестве — тарелка с пастой, бокал вина, свеча, телефон рядом, как минимум двадцать

разных сюжетов, каждый из которых был продуман, отрепетирован и выложен с определённым хештегом.

Эмма Прайс живёт в своём крошечном идеальном мирке — мире, где всё под контролем, где

она решает, что показать, а что скрыть, где нет места хаосу и грязи. И она явно не захочет, чтобы этот мирок вдруг разлетелся вдребезги. Она будет цепляться за него, прятаться, лгать, умолять. И он, сидящий сейчас перед мониторами в холодном свете, уже

знал, куда нажать, какую нить потянуть, чтобы этот мирок рухнул. И это знание было слаще любого триумфа.

Спустя ещё полчаса — которые, казалось, длились будто целую вечность, словно само время застыло вязкой смолой, обволакивая каждую секунду и вытягивая её до бесконечности, — он наконец дождался результата. Скрипт отработал, прошив тысячи строчек, и на экране загорелся зелёный индикатор успешного взлома. Он смог получить доступ к аккаунту Джорджа. Всё оказалось до отвращения просто: пароль от почты совпадал с тем, что нашёлся в файле с эзотерического сайта, а двухфакторная аутентификация отсутствовала — Джордж даже не удосужился её настроить, беспечный

и самоуверенный, как большинство людей, считающих себя неуязвимыми. С лёгким, почти неуловимым движением курсора он вошёл внутрь, и перед ним распахнулась вся цифровая

жизнь этого человека.

Первым делом он нашёл адрес. Это было всё, что ему было нужно. Не просто строка на экране, а ключ, дверь, точка соприкосновения с реальностью — физическое место, где обитало это ничтожество. Улица, номер дома, квартира. Окраина города, район не самый престижный, но и не трущобы — типичный уголок для таких, как Джордж. Он запомнил цифры, вбил их в отдельный файл, выделил жирным шрифтом, как закладку в книге, которую

предстоит перечитать до конца.

Затем он пробежал глазами множество переписок с разными девушками. Десятки диалогов,

открытых вкладок, чатов в мессенджерах и социальных сетях: «Привет, красотка, как дела?», «Ты сегодня офигенно выглядишь», «Давай встретимся, я угощаю», «Не будь такой

занудой, расслабься». Абсолютно пустые, шаблонные фразы, лишённые искры, смысла, уважения — одна и та же тактика, отработанная до автоматизма, словно он не с людьми общался, а заполнял анкеты. И некоторые отвечали — наивные, ищущие внимания, соглашающиеся на встречи, которые заканчивались одинаково. Пьяные ночи, чужие постели,

утро с чувством пустоты и сожаления. Он читал и чувствовал, как внутри поднимается волна тошноты, холодная и липкая. Каждое сообщение, каждая фотография интимного характера, которой девушки по глупости делились, каждое обещание, тут же нарушенное,

— всё это скрежетало у него в голове, как ржавый механизм.

С глубоким отвращением, почти физическим, он убедился в том, что и так уже знал: от этого человека нужно избавиться. Как можно скорее. Не из мести, не из ревности — хотя и то, и другое примешивалось к его чувствам, — а из необходимости. Джордж был гряз-

ным

пятном на чистом холсте, помехой на пути, которую следовало стереть, чтобы перейти к следующему шагу. Он уже видел его лицо наглым и самодовольным на фотографиях, но теперь знал его изнутри: его слабости, его привычки, его расписание, его уязвимые места в виде женщин, которых он использовал и бросал. Он составил мысленный план:

как

подойти, когда, в какой момент этот ублюдок будет один, без своих дружков-торчков, без свидетелей, без защиты. В этот раз он будет держать себя в руках. В этот раз всё будет идти как нужно. Никаких импульсивных ударов в темноте, никакой спешки, никаких оставленных следов. Холодная голова, чёткий расчёт, стерильная чистота исполнения.

Он

выдохнул, медленно разжал кулаки, положил пальцы на клавиатуру и начал набирать

новый

список действий.

Эмма подождёт. Сначала — уборка мусора. Потом — она. И тогда мир встанет на свои места.

ГЛАВА 4

Прошла неделя с тех ужасных минувших событий в тёмном переулке — семь дней, кото-

рые

растянулись в бесконечную череду тревожных рассветов и беспокойных ночей, словно время

решило испытать её на прочность, растягивая каждую секунду до предела. Эмма стояла напротив своей квартиры, будто застыв на месте, не в силах пошевелиться, прикованная к порогу невидимой силой. В голове пробегали воспоминания — такие болезненные, такие рваные отрывки случившегося, что каждое из них оставляло за собой саднящий след, как порез от острого стекла. Она держала в дрожащей руке ключи от квартиры, в которой уже не могла чувствовать себя в безопасности — эти стены, когда-то казавшиеся надёжным убежищем, теперь казались тонкими, как бумага, проницаемыми для любого, кто захочет войти. Но приятным бонусом было то, что она смогла внести оплату за проживание и

ей не

придётся съезжать — нужно отдать должное Кристине, это ведь она выписала чек, и

Эмма

смогла оплатить счета, удержавшись на плаву в этой бурлящей реке финансовых обязательств. Это было, наверное, единственное хорошее событие за прошедшую неделю —

маленький

лучик света в густом тумане страха и неопределённости.

День был тяжёлым — понедельник всегда тяжёлый, но сегодня он казался особенно

гнетущим, словно сама Вселенная сговорилась против неё. Время близилось к вечеру, и у Эммы потихоньку нарастала тревога — липкая, холодная, она поднималась откуда-то из глубины живота, сжимая внутренности ледяной хваткой. И вместе с ней — ощущение, что за

ней наблюдают. Не просто взгляд прохожего, случайно скользнувший по её фигуре, а нечто

более настойчивое, более пристальное, от чего кожа покрывалась мурашками, а волосы на

затылке вставали дыбом. Она обернулась несколько раз, но никого не увидела — только пустая улица, редкие фонари, бросающие длинные тени, и тишина, нарушаемая лишь далёким

гулом машин. Эмма пришла в себя спустя несколько минут и обнаружила, что всё ещё стоит

напротив входной двери, сжимая ключи так сильно, что побелели костяшки. Она глубоко вздохнула, заставляя себя действовать, просунула ключ в замок, провернула его несколько раз — металлический щелчок прозвучал оглушительно громко в вечерней тишине —

и одним мгновением оказалась внутри, захлопнув дверь за спиной и заперев её на все замки, которые только были.

Осмотрев глазами комнату, которая с наступлением вечера погрузилась в полумрак, она остановилась на пороге, изучая каждый угол. В воздухе витала пыль — мелкие частицы медленно кружились в скудном свете, просачивающемся сквозь большое окно. Было тревожно

тихо — ни шагов соседей сверху, ни работающего телевизора за стеной, только тишина, густая и давящая, словно вата, заполнившая всё пространство. В квартире была одна просторная комната — достаточно большая, чтобы вместить в себя всё необходимое для жизни, но достаточно тесная, чтобы каждый угол просматривался с одного взгляда.

Большая кровать с мятым постельным бельём, на котором она ворочалась прошлой ночью,

круглый небольшой стол и два стула — один из них слегка покачивался, если задеть ножку

—

и большое окно без занавесок, которое выходило прямо на небольшой дворик, где росли несколько старых вязов и стояла ржавая детская качель. И маленький санузел, где едва хватало места, чтобы повернуться.

Эмма сняла с себя пальто — тяжёлое, шерстяное, ещё хранящее холод улицы — повесила его

на вешалку у входа, разулась, поставив туфли рядом, и прошла в комнату. Включив свет, она поняла, что зря это сделала: яркий свет ударил по глазам, ослепив на мгновение, и в висках тут же появилась пульсирующая боль, острая и настойчивая, словно кто-то колотил маленьким молоточком изнутри. Эмма присела на кровать — матрас прогнулся

под

её весом — и пальцами начала массировать виски, пытаясь унять пульсацию. Сделав несколько глубоких вдохов, взяв себя в руки и переборов боль, она направилась в ванную, чтобы принять тёплый душ — вода всегда немного успокаивала, смывала напряжение, хотя бы на время.

Выйдя из душа в мягком тёплом махровом халате, с мокрыми волосами, прилипшими к шее,

Эмма забралась в свою постель, подтянув одеяло до подбородка. Она взяла ноутбук —

на холодный металл корпуса приятно холодил ладони — открыла его и зашла в свой аккаунт

«Фейсбуке». Курсор замигал в пустом поле нового поста. Она принялась печатать текст о том, как на неё напал неизвестный по возвращению домой в тесном переулке — слова лились неровно, сбивчиво, полные боли и гнева. Набрав несколько предложений, Эмма задумалась, посмотрела на экран, прочитала написанное и почувствовала, как комок подкатил к горлу. Она стёрла текст одним долгим нажатием клавиши, закрыла ноутбук, убрала его в сторону на тумбочку и решила отдохнуть — хотя бы попытаться. Но как бы Эмма ни старалась, сон не шёл. Она лежала с открытыми глазами, уставившись

в потолок, где играли тени от уличных фонарей. В мыслях роились сомнения — бесконечные

«а что, если?» и «надо было иначе». Тревога сжимала грудь, не давая дышать полной грудью. Воспоминания о нападении всплывали снова и снова — запах сырого асфальта, звук

шагов позади, тень, выросшая из ниоткуда. И те самые события, когда она замечала странности, о том, что за ней наблюдают, — случайно оброненный взгляд в кафе, шаги, затихающие, когда она оборачивалась, едва уловимый шорох за спиной, — те самые события, которым она не придала значения вовремя, думая, что это паранойя, игра воображения.

Эмма неподвижно лежала в своей постели, не сводя глаз с циферблата часов, стоящих на тумбочке. Секундная стрелка плавно бежала по кругу, отсчитывая ход ночи — равнодушная,

механическая, неумолимая. Три пятьдесят семь пополуночи. Для некоторых — практически

утро. Эмма попыталась представить себе тех, кто прямо сейчас тоже не спит: разносчиков газет, складывающих тяжёлые пачки в фургоны; всех, кто работает в ночную смену, — медсестёр, врачей в ярко освещённых больничных коридорах, водителей такси, курьеров. Копов.

Копы... Разъезжающие в патрульных машинах по пустынным улицам. Якобы охраняющие нас,

оберегающие от всяческого вреда. Эмма стиснула зубы так сильно, что челюсть заныла. Она знала правду — ту горькую, обжигающую правду, которую узнают только те, кто оказывается по другую сторону. Ни от чего эти копы не оберегают — они приезжают

лишь

после того, как вред уже причинён, если вообще приезжают. А когда появляются, то отнюдь не для того, чтобы кого-то обезопасить. Они просто заполняют бумаги, задают пустые вопросы и уезжают, оставляя тебя наедине с тем же страхом.

Вот уже и три пятьдесят восемь.

Тёплое одеяло было мягким, успокаивающим, ласкающим кожу своей пушистой поверхностью.

Но это тоже ложь. Кровати — коварнейшие из обманщиц. Ты лежишь в постели и думаешь,

что завтра всё будет лучше. Что с восходом солнца вокруг станет светлее. А когда засыпаешь, приходят сны, нашептывая всякие выдумки: будто ты — это не ты, а кто-то

ещё, или что ты умеешь летать, или что все тебя любят. А потом, когда просыпаешься, в течение одной капризной секунды напрочь не помнишь того, что случилось вчера или на прошедшей неделе. Чувствуешь лишь это тёплое одеяло, этот мягкий матрас, и мир представляется почти благополучным и безопасным.

А потом реальность — тяжёлая, неумолимая, безжалостная — лавиной обрушивается тебе на

голову, лишая дыхания, срывая с тебя паутину иллюзий. Новый день ничем не лучше остальных. Пожалуй, даже ещё хуже. И ничего с восходом солнца не становится светлее. Эмма больше не велась на эту ложь, порождаемую постелью. Больше не позволяла сну овладеть собой, убаюкать её ложным чувством безопасности.

Три пятьдесят девять.

Она следила за продвижением секундной стрелки, прислушиваясь к звукам квартиры — к еле

слышному гудению холодильника, который время от времени щёлкал, запуская компрессор; к

глухому постукиванию, когда ветер раскачивал большой вяз во дворе и его ветка касалась стены — ритмичный, успокаивающий звук, который раньше помогал ей заснуть. Ровно четыре

часа утра. Эмма выскользнула из постели, ступив босыми ногами на прохладный пол, и направилась, чтобы сварить себе крепкий кофе — густой, чёрный, обжигающий. Она стояла

у плиты, глядя, как вода закипает, и в голове пульсировала только одна мысль, не дающая покоя и лишившая её сна: кто-то преследует её. Кто-то стоит у неё за спиной, невидимый, но ощутимый — и она должна вычислить его, прежде чем он сделает следующий

шаг.

ГЛАВА 5

Утро Эммы началось с привычной суеты — она выскочила из дома, на ходу застегивая пальто и проверяя, не забыла ли телефон. Мысли её были заняты вчерашней статьёй о вакцине от бешенства собак, которую она закончила наспех, почти не вникая в детали. Эмма понимала: работа сделана кое-как, но ей было всё равно. В последнее время она чувствовала усталость и равнодушие к тому, что раньше казалось важным. Войдя в офис редакции, она сразу окунулась в привычную атмосферу кипящей деятельности. За рядами

столов сидели коллеги: кто-то сосредоточенно стучал по клавиатуре, создавая новые тексты; другие разрывались между телефонными звонками — как она знала, большинство

звонивших были либо эксцентричными личностями, утверждавшими, что их похитили инопланетяне, либо просто сбитыми с толку людьми, рассказывающими невероятные истории.

Кто-то из сотрудников носился с пачками бумаг, пытаясь успеть к дедлайну, а кто-то, откинувшись на спинку стула, делал вид, что занят — на самом деле он просто пил кофе и наблюдал за всеобщей суетой.

Эмма прошла глубже в кабинет, лавируя между столами и стульями, и заметила Кристину.

Та сидела за своим местом, склонившись над монитором. Эмма ускорила шаг — их рабочие столы стояли рядом, и они всегда радовались встрече. Кристина подняла голову, увидела подругу, и её лицо озарилось теплой улыбкой. Она встала и крепко обняла Эмму, будто не видела её целую вечность.

—
Как ты, Снежинка? — спросила Кристина мягким, почти ласковым голосом, отстраняясь и заглядывая Эмме в глаза.

—
Я в порядке, — соврала Эмма, стараясь, чтобы голос звучал бодро, хотя внутри всё сжималось от тревоги. Она быстро перевела разговор: — Не знаешь, мистер Харрис на месте? Мне нужно отнести ему статью. И ещё я хочу предложить ему новую тему — про того неизвестного, который на меня напал. Вдруг были другие подобные случаи? Это может помочь его найти.

—
Не думаю, что этот старый засранец позволит тебе самой выбирать тему, — скептически отозвалась Кристина, качая головой. — Он просто отмахнётся и скажет писать про инопланетян и их детей-гуманоидов, как всем остальным. Эмма не смогла сдержать смех — уж слишком ярко она представила лицо мистера Харриса, когда тот говорит о внеземных цивилизациях.

—
Хорошо, посмотрим, — выдала Эмма, уже разворачиваясь и направляясь к кабинету главного редактора, чувствуя, как сердце начинает биться чаще от предстоящего разговора. Подойдя к двери кабинета мистера Харриса, Эмма остановилась ровно на мгновение, чтобы перевести дыхание. Она чувствовала, как в горле застрял противный ком, мешающий дышать. Пришлось сглотнуть, собраться с мыслями и заставить себя успокоиться. Она слегка постучала — три коротких, почти робких удара костяшками о деревянную дверь.

Из-за двери донёсся глухой, равнодушный голос: «Войдите». Эмма осторожно нажала на ручку и приоткрыла дверь, стараясь ступать тихо, чтобы не выдать своего волнения. Внутри кабинета царил строгий, почти давящий порядок: стопки

бумаг на столе, пара серых папок, монитор, за которым скрывался сам редактор. Харрис не сразу поднял голову от экрана — он продолжал что-то печатать, щурясь на текст через очки. Эмма уже привыкла к его манере заставлять подчинённых ждать, но сейчас каждая секунда тянулась невыносимо долго.

Мистер Харрис был мужчиной средних лет, с заметной лысиной на макушке и в очках с тонкой металлической оправой, из-за которых его маленькие глаза-бусинки казались чуть больше, чем на самом деле. Длинный крючковатый нос и вытянутое лицо придавали ему несколько хищное выражение, которое усиливалось привычкой поджимать губы. На нём был тёмно-серый костюм, строгий серый галстук и белоснежная рубашка — идеально выглаженная, без единой складки.

—
Доброе утро, мистер Харрис, — произнесла Эмма, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, хотя внутри всё дрожало.

—
Здравствуй, Прайс, — ответил Харрис, не поднимая глаз, и в его голосе не прозвучало ни капли заинтересованности. Он продолжал смотреть в монитор, лишь изредка постукивая пальцем по столу.

—
Я принесла статью, — начала Эмма, делая шаг вперёд. — Простите, что так долго. Вы же в курсе, что на меня напали, и я провела неделю в больнице.

—
Да, я в курсе, — так же равнодушно бросил Харрис, даже не повернув головы. — Кладите вашу статью на стол, я позже её посмотрю.

Эмма положила распечатанные листы на край стола, но не уходила. Она глубоко вздохнула, собираясь с духом, и решилась:

—
Мистер Харрис! У меня есть предложение к вам. Полиция всё ещё ищет нападавшего, и

пока что нет никаких зацепок. Позвольте мне написать об этом статью. Вдруг были подобные случаи в ближайшее время, и люди откликнутся, поделятся информацией, помогут

его поймать. Может быть, кто-то что-то видел. Я думаю, статья будет стоящая. Позвольте мне — и я вас не разочарую.

Эмма замерла, ожидая ответа. Сердце колотилось где-то у горла. Харрис медленно поднял голову и уставился на неё сквозь стёкла очков. Его взгляд стал тяжёлым и раздражённым.

—
Ты кем себя возомнила, что позволяешь себе принимать решение, о чём тебе писать?! — бросил он, повышая голос. — Здесь решения принимаю я — кому и какие статьи писать! Ещё

раз повторится подобная выходка — будешь перебирать архив документов, поняла?

Эмма почувствовала, как краска заливает лицо, а в груди всё сжалось от обиды и унижения. Она лишь молча кивнула, сжала губы, чтобы не сказать лишнего, и резко развернулась. Выходя из кабинета, она почти хлопнула дверью, но в последний момент сдержалась, только плотно притворив её за собой.

Не останавливаясь, Эмма направилась к лестнице, затем вниз, к выходу на улицу. Каждый шаг отдавался в висках пульсирующей болью. Тело трясло от злости и обиды — она чувствовала, как внутри закипает истерика, которую она сдерживала последние несколько

дней. Глаза наполнились слезами, и из-за мутной пелены она почти не видела дороги. Эмма бежала, не разбирая пути, как вдруг ощутила резкую боль в правом плече — она врезалась во что-то твёрдое. В следующий миг она поняла, что падает, но чьи-то сильные руки вовремя подхватили её, не давая рухнуть на асфальт. Это был молодой парень, которого она едва не сбила с ног. Он попытался удержать её, что-то встревоженно

спросил, но Эмма, не в силах говорить, резко вырвалась из его рук и бросилась дальше. Она выбежала на улицу, проскочила мимо прохожих и, почти не помня себя, рухнула на скамейку у аллеи. Слезы хлынули потоком — она больше не могла их сдерживать. Эмма закрыла лицо руками и просто начала рыдать, вздрагивая всем телом. Истерика, которая накапливалась так долго — боль от нападения, страх, усталость, а теперь ещё и этот унижительный разговор — всё вывалось наружу, и она позволила себе наконец выпла-

кать

всю горечь, что копилась внутри.

Из-за собственных слёз и прерывистых всхлипов Эмма не сразу заметила, что перед ней кто-то стоит. Она подняла заплаканное лицо и сквозь мутную пелену разглядела силуэт молодого парня. Ему было около двадцати пяти лет, среднего роста, с подтянутым, в меру стройным телосложением. Одет он был просто и со вкусом: белая футболка, поверх кото-

рой

свободно сидел чёрный бомбер, и синие джинсы, немного потёртые на коленях. Тёмные волосы были слегка растрёпаны, а глаза — выразительного серого цвета с металлическим отливом — смотрели на неё с беспокойством.

Эмма чувствовала себя ужасно неловко: лицо было всё в слезах, тушь наверняка размазалась по щекам, волосы растрепались, и она выглядела совершенно разбитой. Она смущённо и растерянно уставилась на незнакомца, пытаясь проморгаться и хоть немного прийти в себя.

—

Девушка, у вас что-то случилось? — спросил парень, наклонив голову и внимательно вглядываясь в её лицо. — Вы врезались в меня и убежали. Я не смог пройти мимо расстроенной девушки. Вам нужна помощь? — закончил он, и в его голосе звучала искренняя забота.

Эмма всхлипнула, вытерла щёки тыльной стороной ладони и попыталась улыбнуться,

хотя

это вышло жалко.

—

Всё в порядке... просто небольшие трудности на работе, — ответила она, запинаясь. — Простите, что я так пролетела мимо вас и чуть не сбила с ног.

Парень улыбнулся — мягко, ободряюще, и в этой улыбке не было ни капли осуждения.

—

Ничего страшного, — сказал он. — Меня зовут Арон. А вас как?

—

Эмма, — тихо ответила она, уже намереваясь встать и уйти, чтобы не выглядеть ещё более жалко в глазах незнакомца.

Но Арон не спешил уходить. Он протянул ей чистую салфетку — откуда-то достал её из кармана — и предложил:

—

Если хотите, я могу вас выслушать. Иногда помогает выговориться.

Эмма колебалась всего секунду. От безысходности и усталости она не стала отказываться и, запинаясь, рассказала ему всё: и про нападение, и про больницу, и про унижительный разговор с Харрисом. Арон слушал внимательно, не перебивая, лишь изредка кивая.

Когда

она закончила, он пожал плечами и дал пару простых, почти бесполезных советов — вроде

«не обращай внимания» и «всё наладится», — но почему-то от одного того, что он слушал, стало немного легче.

— Может, выпьем кофе? — предложил Арон, когда увидел, что Эмма немного успокоилась

и

перестала всхлипывать. — Недалеко есть хорошее место.

Эмма не стала отказываться. Они направились в ближайшую кофейню — ту самую, где она

всегда покупала латте без сахара, когда хотела себя порадовать. Уютный запах кофе и тёплый свет ламп немного привели её в чувство. Они просидели около получаса, болтая о пустяках — о погоде, о музыке, о том, как трудно иногда вставать по утрам. Арон оказался приятным собеседником: он не давил, не задавал лишних вопросов, просто был рядом. Когда Эмма почувствовала, что окончательно успокоилась, они обменялись номерами

телефонов — он попросил, сказав, что хочет убедиться, что с ней всё в порядке. Она продиктовала цифры, чувствуя лёгкое смущение, и направилась обратно в редакцию. Оставшийся день тянулся невыносимо медленно. Эмма сидела за своим столом, тупо уставившись в монитор, и считала минуты до конца рабочего дня. Она не могла сосредоточиться ни на одной задаче — мысли путались, голова гудела от усталости и недосыпа. Каждый раз, когда вспоминала разговор с Харрисом, внутри снова закипала обида, но теперь она хотя бы могла переключиться на приятные воспоминания о встрече с Ароном.

Наконец, дождавшись спасительного сигнала об окончании рабочего дня, Эмма собрала вещи

и вышла из офиса. Она чувствовала себя вымотанной до предела: ноги гудели, глаза слипались, а в голове царил полный хаос от недосыпа и пережитого стресса. Вернувшись домой, она скинула обувь у порога, рухнула на диван и закрыла глаза, пытаясь забыть этот тяжёлый, ужасный день. Но где-то в глубине души теплилась маленькая надежда, что,

возможно, завтра всё будет иначе.

Арон уже успел съездить домой, проверить свои компьютерные мониторы и убедиться, что

Эмма благополучно вернулась в свою квартиру. Он всегда тщательно следил за её передвижениями: камеры видеонаблюдения на улице, взломанный доступ к городским системам, даже сигнал её телефона — всё это было частью его routine. Но сегодня ему хотелось чего-то большего. Он направился к дому Эммы пешком, наслаждаясь прохладным

вечерним воздухом и предвкушением. Арон любил наблюдать за ней через окно — быть так

близко к ней, всего в нескольких шагах, в пределах досягаемости. Смотреть на неё не через экраны мониторов или камеры, а вот так, стоя напротив её дома, чувствуя, как ветер касается лица, и видя её силуэт в этом просторном, незанавешенном окне.

«Эх, Эмма, нужно закрывать окна, — подумал Арон с лёгкой усмешкой. — Хватает же всяких

извращенцев». Эта мысль показалась ему забавной, и он тихо хмыкнул, представив, что она сказала бы, если бы узнала, кто именно стоит сейчас под её окнами.

В квартире горел тёплый свет. Эмма сидела за круглым столом, стоявшим у окна. Рядом с ней стояла чашка с кофе, от которой поднимался лёгкий пар, и открытый ноутбук, в который она что-то сосредоточенно печатала. Выглядела она уже лучше, чем несколько часов назад, когда он встретил её заплаканной и растерянной на улице. Теперь её лицо было задумчивым, спокойным, и это придавало её белокурой внешности ещё больше очарования. Она откинула волосы назад, и густая прядь блондинистых волос мягко стекала

по плечу, касаясь ключицы. Домашняя одежда была лёгкой и свободной: простая футболка и

короткие шорты, из-под которых сексуально выглядывали округлые ягодички, когда она немного наклонялась вперёд, печатая текст.

Арон почувствовал, как внутри разливается тепло. Она прекрасна. Сексуальна. И явно неудовлетворена — по её напряжённой позе, по тому, как она покусывала губу, погружённая в мысли, он читал это безошибочно. «Я бы показал ей космос», — подумал Арон, позволяя фантазии унести его на мгновение. Он представил, как вошёл бы в её жизнь не как случайный прохожий, а как тот, кто способен дать ей всё, чего ей не хватает. Но его мысли прервала неожиданная картина.

К входной двери дома Эммы подходил Джордж.

Арона охватила волна непреодолимой злости — жаркой, почти ослепляющей. Кулаки сжались

сами собой, дыхание на миг перехватило. Но он тут же взял себя в руки, заставив мышцы расслабиться, а лицо — принять спокойное выражение. Он не мог позволить эмоциям взять

верх. Не сейчас.

Джордж постучал в дверь — коротко, нагло, как человек, который привык, что ему открывают сразу. Через минуту дверь приоткрылась, и Эмма впустила его внутрь.

Привет, детка, — сказал Джордж, переступая порог. Его голос звучал слегка расслабленно, с лёгкой хрипотцой, а взгляд был мутноватым — похоже, он был под кайфом.

Прости, что долго не виделись. Понимаешь, бизнес-дела.

Эмма стояла напротив него, скрестив руки на груди. Её лицо было напряжённым, а в глазах застыла холодная усмешка. Она явно не поверила ни единому его слову.

Вероятно, был занят с той шлюхой, которая отсасывала тебе в туалете на вечеринке, на которую мы пришли вместе, — выдала она резко. — Кристина видела тебя.

Джордж на мгновение опешил, но быстро нашёлся:

Детка, прости меня. Я был бухой, да ещё и под кайфом. Я думал, это ты, — договорил он, пытаясь придать голосу умоляющие нотки.

Эмма одарила его озлобленным взглядом, но не проронила ни слова.

Правда, прости меня, детка. Ты же знаешь, что я люблю только тебя. Только ты меня возбуждаешь. А с той я даже не кончил, — добавил Джордж, делая шаг вперёд.

Он протянул руку и провёл пальцами по нежной коже её щеки, затем опустил ладонь на шею

и мягко, но настойчиво притянул Эмму к себе. Он поцеловал её в губы — сначала легко, затем более требовательно. Его руки скользнули на её талию, сжали бёдра, и он начал целовать её губы, затем шею, ключицы, спускаясь всё ниже. Пальцы тем временем оказались на её ягодицах — он сжал их, приподнял Эмму и перенёс на кровать, даже не потрудившись закрыть окно или дверь спальни.

Арон, стоя на улице, видел всё. Каждое движение. Каждый жест. Он застыл, как вкопанный, не в силах отвести взгляд. Его дыхание участилось, в груди закипала смесь ярости и болезненного любопытства.

Джордж одним движением снял с Эммы футболку, обнажив её небольшую, но красивую грудь.

Он пальцами теребил соски, одновременно целуя её шею, затем плавно спустил руку ей между ног и начал ласкать клитор. Эмма закрыла глаза, но её лицо не выражало наслаждения — скорее покорность или усталость. Джордж, не дожидаясь, пока она возбудится по-настоящему, одним движением стянул с неё шорты и трусики, и вошёл в неё.

Он начал двигаться быстро, набирая темп, и вскоре, со сдавленным стоном, кончил. На несколько секунд в комнате повисла тишина. Затем Джордж встал, натянул джинсы, поправил футболку и бросил:

—

Прости, детка. Нужно бежать. Там меня ждут очень важные дела.

Он чмокнул Эмму в щёку — быстро, почти небрежно — и, захлопнув дверь, оставил её одну.

Эмма осталась лежать на кровати, глядя в потолок. Её дыхание было неровным, но не от страсти — от разочарования. Она не кончила. Даже близко не была.

Арон, который всё это время стоял у окна, пребывал в шоке. Его челюсть была сжата, кулаки дрожали. Он смотрел на Эмму и понимал: этот мажорик даже не удовлетворил её. Она осталась такой же напряжённой, такой же неудовлетворённой, как и до его прихода. Но затем Арон заметил, что Эмма медленно села на кровати, натянула футболку, но трусики так и остались лежать на полу. Она взяла небольшую продолговатую подушку, просунула её между ног и начала ласкать себя, закрыв глаза и откинув голову назад. У Арона перехватило дыхание. Он почувствовал, как кровь приливает к паху, как возбуждение накрывает его с головой. Его фантазия разыгралась мгновенно: он

представлял, как целует её губы, шею, затем ключицы, грудь, лаская языком соски, спускаясь всё ниже к животу и наконец — ласкает её киску и клитор, доставляя ей нестерпимое удовольствие, которого она заслуживает. Арон просунул руку в джинсы и начал ласкать свой уже отвердевший член, не сводя глаз с её силуэта.

Но его фантазию и уединение прервал старческий голос:

—

Молодой человек! Помогите, пожалуйста, поднять чемодан на ступеньки к двери.

Арон вздрогнул и резко обернулся. Перед ним стояла пожилая женщина с большим, явно тяжёлым чемоданом, и смотрела на него с надеждой. Он выдохнул, спрятал разочарование и

кивнул. Быстро, но аккуратно, он помог женщине затащить чемодан на крыльцо и поднёс

его к двери. Та поблагодарила его и скрылась за дверью своего дома.

Арон тут же повернулся обратно к окну Эммы — но свет уже не горел. В квартире было темно.

Он улыбнулся, представив, что она уже спит, уставшая и, возможно, немного удовлетворённая. Несколько минут он стоял и смотрел в её тёмное окно, позволяя тишине

и ночному воздуху успокоить его. Затем, подумав о том, как приступит к плану по избавлению от Джорджа, Арон развернулся и медленно направился в сторону своего дома. В

голове уже вырисовывались детали — осторожные, продуманные шаги, которые приведут к

тому, что этот ничтожный мажор навсегда исчезнет из жизни Эммы. И тогда она будет принадлежать только ему.

ГЛАВА 6

Арон заснул только под утро, когда первые лучи солнца уже начали пробиваться сквозь щели в шторах. Сон был коротким — всего пара часов, но, проснувшись, он почувствовал неожиданный прилив бодрости и приподнятое настроение. Вчера ночью, сидя за мониторами

в полумраке своей комнаты, он тщательно вычислил, где будет находиться Джордж и чем собирается заниматься. Информация стекалась к нему из разных источников: взломанные

аккаунты в соцсетях, переписка с дилерами, даже данные с городских камер наблюдения. Оказалось, что Джордж планировал встречу с одним перекупом старинных коллекционных и

редких вещей. Арон не стал медлить — он перехватил Джорджа, представившись заинтересованным покупателем, и договорился о встрече в безлюдном месте, вдали от лишних глаз.

Утро было свежим и тихим. Арон вышел из дома, на ходу застегивая черную куртку, и быстрым шагом направился к месту встречи. Он почти достиг цели — оставалось всего две

минуты ходьбы, когда, завернув за угол, он увидел пустую улицу. Джорджа ещё не было. Арон поджал губы, скрестил руки на груди и прислонился спиной к холодной кирпичной стене, готовясь ждать столько, сколько потребуется. Прошло пятнадцать минут, прежде чем он услышал торопливые шаги. Джордж наконец появился — слегка запыхавшийся, с небрежной улыбкой на лице. Он протянул руку для приветствия, но Арон даже не шелохнулся.

—

Я не люблю прикосновения, — холодно сказал он. — Поэтому никогда не здороваюсь за руку.

Джордж пожал плечами, убирая руку, и последовал за Ароном. Тот повёл его в свою антикварную лавку — небольшое, но наполненное историей место, которое досталось ему от

опекуна, к которому он попал в девять лет. С тех пор прошло много лет, но лавка оставалась почти нетронутой. Внутри царил полумрак, который лишь подчёркивал атмосферу

старины. Деревянные стены, потемневшие от времени, хранили запах старой бумаги, лака и

пыли. Повсюду были разложены антикварные вещи: картины в массивных рамах, серебряные

и столовые приборы с затейливыми узорами, кубки, амулеты, старинные часы с маятником
ещё множество безделушек, каждая из которых могла рассказать свою историю. Мягкий, приглушённый свет от ламп с тканевыми абажурами создавал ощущение, будто время
здесь остановилось.

—
Идём вниз, — сказал Арон, поманив Джорджа за собой. — Там, в подвале, хранятся
самые редкие и ценные антикварные предметы. В том числе очень старинные книги.
Джордж с любопытством шагнул вперёд и спустился по узкой деревянной лестнице.
Внизу

его взору открылось необычное зрелище: квадратное стеклянное сооружение, освещённое
мягким светом изнутри. Внутри него стояли полки, уставленные книгами в кожаных переплётах, древними свитками и некоторыми предметами викторианской эпохи —
подсвечниками, фарфоровыми статуэтками, резными шкатулками.

—
Это специальное хранилище, — пояснил Арон, оставаясь на шаг позади. — Оно
поддерживает нужную температуру и влажность, чтобы сохранить все эти старинные
вещи.

Тем самым продлевая им жизнь на десятилетия.

Джордж подошёл ближе к стеклянной стене, разглядывая корешки книг. Он был так
поглощён

рассматриванием сокровищ, что не заметил, как Арон взял со стола тяжёлый молоток,
лежавший среди инструментов. Одно быстрое, точное движение — и молоток со всей
силы

обрушился на голову Джорджа. Тот издал глухой, сдавленный стон и рухнул на пол, как
подкошенный. Из раны на затылке начала сочиться кровь, растекаясь по деревянному
полу

тёмной лужицей.

Арон действовал быстро, хотя руки предательски дрожали. Он обработал рану, остано-
вил

кровотечение с помощью чистых салфеток и заклеил её пластырем. Он не собирался его
убивать — нет, он же не убийца. «Я просто с ним поговорю», — повторял про себя Арон,
пытаясь успокоить учатившееся дыхание. — «Я с ним поговорю, а потом отпущу». Но

мысли

путались, а в голове всплывали старые, болезненные воспоминания.

Он снова был мальчишкой, запертым в этой самой стеклянной клетке. Его опекун, Оукли,
с

каменным лицом закрывал дверцу, игнорируя отчаянные мольбы Арона. «Ты провинился и

должен нести наказание», — говорил он холодно. — «Ты должен быть мужчиной, а ноешь
как

девчонка». Арон помнил, как кричал до хрипоты, как колотил кулаками по стеклу, пока

они не начинали кровоточить, и как Оукли просто разворачивался и уходил, оставляя его одного в тишине и темноте.

Тихий стон, вырвавшийся у Джорджа, вернул Арона в реальность. Он тряхнул головой, отгоняя призраков прошлого, и быстро закончил приготовления: проверил, чтобы в клетке

было достаточно воздуха, оставил бутылку воды и немного еды. Затем он закрыл стеклянную дверцу темницы — той самой, в которой когда-то сам был пленником — и запер

её на надёжный замок. Поднявшись наверх, он запер за собой дверь в подвал и направился

к выходу из лавки.

На улице он вытащил телефон Джорджа, который держал в руках. Пароль подобрался легко —

день рождения, без всякой фантазии. На плавающей строке уведомлений он увидел сообщение от Эммы: она интересовалась, навестит ли Джордж её сегодня. Арон сжал телефон в руке так, что побелели костяшки. Затем, собравшись, принялся печатать ответ: «Сегодня не как. Нужно уехать из города. не пиши больше, сорри».

Заблокировав экран, он сунул телефон в карман и зашагал по пустынной утренней улице.

В голове крутилась только одна мысль: скоро Эмма забудет этого мажора. Скоро я завоюю её

сердце.

Спустя несколько часов Джордж наконец начал приходить в себя. Сознание возвращалось

медленно, тяжело, словно пробиваясь сквозь толстый слой ваты. В глазах стояла мутная пелена, а свет от единственной лампы, висевшей где-то над ним, резал глаза с такой силой, что казалось, будто острые иглы вонзаются прямо в зрачки. В висках пульсировала острая, пульсирующая боль, отдающаяся в затылок и скулы. Голова кружилась, комната плыла перед глазами, и каждое движение, даже простое моргание, вызывало новый приступ

тошноты и рези. В ушах стоял не прекращающийся звон — высокий, назойливый, словно где-

то рядом работал старый трансформатор.

Джордж с трудом разлепил веки, и перед ним поплыли размытые силуэты. Он попытался сосредоточиться, вспомнить, что произошло, но мысли путались, обрывались, натыкались

друг на друга. Сознание работало с перебоями: то выхватывало смутный образ, то снова уходило в темноту. Он помнил только вспышку — резкий удар, темнота, а потом — ничего.

—

Вот черт! — вырвалось у него сквозь стиснутые зубы. — Он меня вырубил. Просто вырубил, как щенка. — Джордж выругался еще раз, уже громче, но голос прозвучал хрипло

и слабо, словно чужой.

Преодолевая головную боль, он предпринял попытку подняться. Мышцы слушались плохо,

тело казалось ватным, а руки дрожали. Он оперся спиной о холодную стеклянную стену

—

она была гладкой, почти ледяной на ощупь. Прислонившись затылком к прохладной

поверхности, он на мгновение замер, пытаясь унять дрожь. Одной рукой он держался за голову, массируя виски, другой — упирался в пол. Взгляд медленно, с трудом сфокусировался на окружающем пространстве. Яркий свет слепил, мешал рассмотреть детали. Он находился в небольшой стеклянной камере — настоящей клетке, прозрачной, холодной, безжалостной. Стены, пол, потолок — все было из толстого, укрепленного стекла.

Собрав остатки сил, Джордж поднялся на ноги. Ладони вспотели от напряжения и страха, и когда он оперся ими о прохладную гладкую поверхность, они оставляли влажные следы.

Он сделал шаг, другой, дотянулся до двери — такой же прозрачной, почти незаметной на фоне

стен. Ручка не поддавалась. Заперто. Он дернул сильнее, потом еще раз, с яростью.

Бесполезно.

Тогда он сорвался. Из груди вырвался пронзительный, надрывный крик, полный отчаяния и

гнева: — Ты чертов ублюдок! Что все это значит?! Почему я здесь, черт тебя дери?! — Он бил руками по стеклу, кулаками, ладонями, локтями — но толстое стекло даже не дрожало.

Звук ударов был глухим, и почти сразу гас в тишине помещения. — Выпусти меня отсюда!

Эй! Эй! Кто-нибудь! — голос срывался, переходил в хрип. — Выпустите меня! Покажись, чертов ублюдок!

Ответом ему была лишь гнетущая, тяжелая тишина. Ни шагов, ни голосов, ни даже гула вентиляции. Только его собственное тяжелое дыхание и звон в ушах. Джордж сделал паузу,

пытаясь отдышаться, и в голову закралась пугающая мысль. Марси. Неужели это все подстроил Марси из-за того долга? Тот старый должок, о котором он уже почти забыл? Неужели тот псих решил разобраться таким способом? Злость снова захлестнула его.

—

Ты сукин сын! — заорал он с новой силой, бросаясь на стекло. — Я выберусь отсюда, слышишь?! И прикончу тебя! Лично! Своими руками! — Он колотил, пинал, кричал до хрипоты, пока руки не начали неметь, а голос — садиться. — Выпусти меня! Выпусти! Но это было бесполезно. Стены не дрогнули. Эхо разносило его крики по камере и возвращало обратно, словно насмехаясь. Он понял: он здесь один. Совершенно один.

Джордж медленно сполз по стеклянной стене на пол, сжав голову руками. Пальцы сжи-

мали волосы, пульс бился в висках, сердце колотилось где-то в горле. Мысли кружились в голове бешеной каруселью: страх, ярость, непонимание сменяли друг друга. А что если

он здесь? Что если Марси сидит где-то в темном углу, за пределами этого стеклянного ящика, и наблюдает за ним? Как хищник, который загнал жертву в ловушку и наслаждается

ее агонией. Эта мысль леденила кровь. Джордж поднял голову и вгляделся в темноту за стеклом, пытаясь уловить хоть какое-то движение, тень, силуэт. Но видел только свое

собственное искаженное отражение — испуганное, потное, с безумным блеском в глазах.

Он снова опустил голову, чувствуя, как паника сдавливает горло. Он в ловушке. И неизвестность была хуже любой боли.

Арон вернулся в свою лавку, когда на улице уже совсем стемнело. Фонари горели тусклым желтоватым светом, отбрасывая длинные тени на мостовую. Воздух был прохладным и сырым,

пахло дождем и пылью. В руке он держал пластиковый пакет, в котором лежала бутылка негазированной воды и два сэндвича, завернутых в вощеную бумагу, — один с тунцом, другой с курицей. Он остановился на пороге, огляделся по сторонам. По противоположной стороне улицы шла компания подростков — человек пять или шесть, они что-то бурно обсуждали, размахивая руками, и то и дело раздражались громким смехом, который разносился по пустынной улице. Типичные дети, подумал Арон, с легкой усмешкой покачивав головой. Он повернул ключ в замке, толкнул тяжелую деревянную дверь и вошел внутрь, затем аккуратно запер ее изнутри на задвижку. Щелчок замка прозвучал в тишине лавки гулко и отчетливо.

Внутри было темно, лишь слабый свет пробивался сквозь щели ставней. Арон прошел через комнату, мимо прилавка с безделушками, и остановился у двери в подвал. Он вставил ключ в замок, несколько раз повернул и дверь открылась, из подвала потянуло холодом и сыростью. Лестница скрипела под его шагами, когда он спускался вниз — ступенька за ступенькой, медленно, с чувством полного контроля над ситуацией. Внизу горела одна-единственная тусклая лампа, и в ее неверном свете он увидел Джорджа. Тот сидел на полу, ссутулившись, уперев локти в колени и сжав голову руками. Пальцы были запутаны в волосах, плечи вздрагивали. Это зрелище заставило Арона улыбнуться — не широко, а скорее хищно, одними уголками губ. Этот мажорик, этот избалованный богатенький сынок,

который привык смотреть на всех свысока, наконец-то получил то, что заслужил. Теперь он не выглядел таким крутым и властным. Сидит, скрючившись, как побитая собака.

Джордж почувствовал чужое присутствие, поднял голову — глаза были красными, взгляд мутным и испуганным. Увидев Арона, он рывком вскочил на ноги, пошатнулся, но удержал равновесие, и тут же сорвался на крик: — Что это значит, ублюдок?! Сейчас же выпусти меня отсюда! Ты слышишь? Немедленно! — Голос сорвался на хрип, но в нем звучала истерическая злость. Он рванул к стеклянной двери, заколотил кулаками по прозрачной поверхности.

Арон с невозмутимым видом подошел к камере. Он неспешно опустил пакет на пол, достал ключ и открыл небольшое окошко в нижней части стеклянной стены — узкое отверстие, достаточное, чтобы просунуть руку с едой. Он аккуратно положил внутрь два сэндвича и

бутылку воды, затем захлопнул заслонку, проверив, что та заперта. После этого он взял стоящий у стены деревянный стул, поставил его прямо напротив камеры, сел, скрестив руки на груди, и уставился на Джорджа пристальным, тяжелым взглядом. Он молчал, наблюдая, как его пленник мечется внутри стеклянного ящика, словно испуганный зверек, бьющийся о прутья клетки. Джордж колотил по стеклу ладонями, пинал ногами, кричал — но спустя минуту силы иссякли, и он остановился, тяжело дыша, прижавшись лбом к холодной поверхности.

Итак, — заговорил Арон, и его голос прозвучал спокойно, почти лениво, — Джордж, как ты думаешь, почему ты здесь? Вопрос повис в воздухе тяжелой тишиной. Джордж облизнул пересохшие губы, нервно сглотнул. — Если это по поводу долга... — начал он, голос дрожал. — Передай Марси, что я все верну. Клянусь! Все до последнего цента. Только выпусти меня, слышишь? Мы договоримся. У меня есть деньги, я заплачу, сколько скажешь.

Арон улыбнулся — холодно, без тени тепла. Он медленно покачал головой. — Нет, Джордж.

Причина кроется гораздо глубже, чем твои жалкие долги. — Он сделал паузу, и воздух в подвале будто сгустился. — Эмма, — закончил он, и это имя прозвучало как приговор.

Эмма? — переспросил Джордж, и в его голосе послышалось удивление, смешанное с непониманием. Он нахмурился.

Да, — подтвердил Арон, не сводя с него взгляда. Он подался вперед на стуле, опираясь локтями о колени. — Ты должен исчезнуть из ее жизни. Раз и навсегда. Навсегда, ты понял меня? Чтобы я никогда больше не видел тебя рядом с ней, чтобы ты даже не дышал в ее сторону.

Джордж сначала опешил, а затем на его лице появилась кривая, презрительная усмешка.

Так все дело в этой шлюхе? — прохрипел он, и в голосе зазвучала прежняя наглость. — Да она мне не нужна, хочешь — забирай ее. Мы даже не встречались, она просто развлечение.

Перепахнуться разок-другой, не более того. Если бы я знал, что она так важна для тебя, я бы даже не смотрел в ее сторону.

Выражение лица Арона изменилось мгновенно. Невозмутимость исчезла, уступив место холодной, ледяной ярости. Он медленно встал со стула, и каждое его движение было напряженным, как у хищника перед прыжком. — Она чиста и невинна, — произнес он, и голос его дрожал от сдерживаемого гнева. — А ты — гребное ничтожество, грязь под моими

ногами. Ты сгниешь в этой камере, Джордж. Запомни мои слова. Ты будешь сидеть здесь, смотреть на эти стеклянные стены и вспоминать каждое свое слово, каждое свое движение, пока не потеряешь счет времени.

С этими словами Арон резко схватил стул, на котором сидел, и с силой швырнул его в стену. Стул ударился о бетон с оглушительным треском и разлетелся на части — ножки

отскочили, сиденье раскололось. Грохот эхом прокатился по подвалу. Джордж вздрогнул всем телом, отшатнулся от стекла, в глазах мелькнул настоящий страх. Арон не сказал больше ни слова — развернулся и, тяжело ступая, направился к лестнице. Его шаги застучали по деревянным ступеням, скрип постепенно затих, а затем наверху хлопнула дверь, и лязгнул засов, а затем щёлкнул замок.

Джордж остался один. Он стоял неподвижно, глядя на обломки стула, затем медленно, обессиленно опустился на пол. Руки дрожали. Он потянулся к бутылке с водой, с трудом открутил крышку — пальцы не слушались — и сделал несколько жадных глотков. Холод-

ная

жидкость обожгла горло, но помогла немного прийти в себя. Он глубоко вздохнул, пыта-

ясь

унять сердцебиение. Затем его взгляд упал на лежащие рядом сэндвичи в воцеленной бумаге.

В животе громко заурчало — он вдруг вспомнил, что не ел уже почти сутки, а может, и

больше. Голод оказался сильнее страха и унижения. Джордж схватил один из сэндвичей, содрал бумагу и жадно впился зубами. Хлеб, тунец, майонез — вкус показался невероятным, он ел торопливо, кусал, проглатывал почти не жуя, пока не уничтожил первый сэндвич. Второй он отложил, но съел его следом, утолив первый голод.

Облизнув пальцы, он откинулся спиной к стеклянной стене и закрыл глаза. Мысли понемногу начали выстраиваться в порядок. Эмма. Из-за какой-то девчонки он попал в

эту

передрыгу. Но Арон был зол, очень зол — однако он не убил его сразу. Принес еду, воду. Это давало надежду. Значит, у него есть время. Значит, можно попробовать догово-

риться.

Арон вернется — рано или поздно, и тогда Джордж будет готов. Он не станет кричать и угрожать, это только бесит похитителя. Нужно говорить спокойно, предлагать деньги, найти слабое место. Он загорелся новой надеждой: если его до сих пор не убили, не покалечили, значит, у него есть шанс выбраться из этого стеклянного гроба. Он открыл глаза и уставился на тусклую лампу под потолком, повторяя про себя: я выберусь, я выберусь, я обязательно выберусь отсюда.

ГЛАВА 7

Эмма сидела на своей кровати, поджав под себя ноги, и смотрела в экран ноутбука. Свет от монитора тускло освещал её бледное лицо, отбрасывая тени на стены небольшой комнаты. За окном уже давно стемнело, и лишь редкие уличные фонари пробивались

сквозь

занавески, создавая причудливые узоры на полу. Она была погружена в свои мысли, когда на экране всплыло уведомление — новое сообщение на Facebook. От Кристины.

«Эй, Эм! Мы сегодня идём в «Уголок»? Давно не виделись. Приходи, я уже здесь, народу немного, музыка отличная. Жду!»

Эмма несколько раз перечитала сообщение, задумчиво покусывая нижнюю губу. Они с Кристиной часто тусовались в этом баре — уютное местечко на углу двух старых улиц, с приглушённым светом и джазом по вечерам. Обычно она соглашалась не раздумывая, но сегодня что-то внутри сопротивлялось. В голове снова всплыл образ Джорджа. Его последнее сообщение, короткое и резкое: «Мне нужно уехать из города. Не пиши больше. Прости».

Эмма вздохнула, провела ладонью по лицу, словно пытаясь стереть навязчивые мысли. Она

корила себя за то, что снова написала ему, что вообще позволила себе надеяться. Внутри разрасталось неприятное, липкое чувство — ощущение собственной никчёмности. «Я просто

посредственность, — подумала она. — Вечно влюбляюсь не в тех, вечно позволяю себя использовать». Она зажмурилась, сделала глубокий вдох и с силой выдохнула, отгоняя самокопание.

—

Ладно, хватит, — пробормотала она вслух, встряхнув головой. Пальцы легко застучали по клавиатуре. «Окей, 30 минут — и я готова. Встретимся там». Отправив ответ, она захлопнула крышку ноутбука и отставила его в сторону.

Настало время собираться. Эмма спрыгнула с кровати и подошла к небольшому шкафу, распахнув дверцы. Выбор одежды у неё был невелик — несколько футболок, пара свитеров,

джинсы и юбка на все случаи жизни. Она перебрала вешалки, задержалась взглядом на свободных чёрных джинсах с высокой посадкой — те сидели на ней идеально, подчёркивая

тонкую талию и плавный изгиб бёдер. Решено. Она натянула их, затем достала бежевую блузу с длинными рукавами-фонариками — лёгкую, воздушную ткань. Вырез был скромным,

лишь слегка открывал выступающие ключицы, придавая образу невинную, но в то же время

притягательную нотку.

Эмма подошла к зеркалу, висевшему над комодом, и ловким движением распустила собранные

в пучок волосы. Длинные белые густые пряди тяжёлой волной упали на плечи, закрывая часть лица. Она взяла расчёску и, не торопясь, провела по ним несколько раз, разглаживая непослушные локоны. Волосы блестели в тусклом свете лампы, мягко

обрамляя

лицо. Затем она надела массивные ботинки на толстой подошве — удобные, надёжные, привычные. Сверху накинула шерстяное серое пальто, которое доставало почти до колен,

и

взяла с тумбочки телефон и связку ключей.

Уже собираясь выходить, она бросила случайный взгляд в окно — да так и замерла. За стеклом, под старым раскидистым вязом, росшим прямо напротив её дома, мелькнул чей-то

силуэт. Тень, быстро скользнувшая в темноту, — но Эмма успела заметить очертания

человека. Сердце пропустило удар. В груди разлилась нарастающая тревога, холодком пробежавшая по спине. Она резко отступила от окна, схватила с полки перцовый баллончик, который всегда держала на всякий случай, и сжала его в ладони. Затем рывком

погасила свет в комнате, оставив квартиру в полной темноте, и, стараясь ступать бесшумно, выскользнула за дверь. Замок щёлкнул, отрезая её от пустого помещения. До бара было всего пару кварталов, и обычно Эмма ходила пешком, наслаждаясь ночным

воздухом. Но сегодня тревога не отпускала. Рука с баллончиком слегка дрожала. Она остановилась у подъезда, огляделась — никого подозрительного на улице не было. Люди гуляли парами, проезжали машины, свет фонарей заливал тротуар ровным жёлтым светом.

Она выдохнула, убрала баллончик в карман пальто и открыла приложение Uber. Повезло —

свободная машина была поблизости. Через пару минут чёрный седан притормозил рядом, и

Эмма, юркнув на заднее сиденье, назвала адрес. Такси тронулось с места, и она, прижавшись лицом к холодному стеклу, наблюдала за проплывающими мимо огнями города,

пока через несколько минут машина не остановилась у знакомой вывески бара. Кристина уже ждала её у входа, приветливо махнув рукой.

Тем временем Арон тоже направлялся в бар «Уголок». Он шёл не спеша, растворяясь в ночной тени, ступая мягко и бесшумно, словно хищник, вышедший на охоту. За четверть часа до этого он стоял под старым вязом напротив дома Эммы, прижавшись спиной к шершавому стволу, и наблюдал за её окном сквозь неплотно задёрнутые занавески. Свет

В

комнате горел, и он видел, как она сидела на кровати, склонившись над ноутбуком. Затем она встала, подошла к шкафу и начала выбирать одежду. Арон замер, боясь даже дышать. Он засмотрелся на неё, на то, как она переодевалась, как плавно ткань скользила по её коже — и на мгновение ослабил бдительность, позволяя себе уйти в тёплые, болезненно-сладкие фантазии. Он представил, как подходит к ней, проводит рукой по её волосам, как она поворачивается и улыбается ему...

Но тут Эмма бросила взгляд в окно. Он заметил это движение — резкое, настороженное. Сердце пропустило удар. Если бы она его заметила, всё рухнуло бы в один миг. Все его планы, все недели подготовки пошли бы прахом. Но он вовремя среагировал: рванул в сторону, в тень, за угол дома, прижавшись к холодной кирпичной стене. Несколько секунд

он стоял неподвижно, прислушиваясь к стуку собственного пульса. Затем осторожно выглянул — свет в её комнате погас. Она уходила. Хорошо.

На нём была чёрная кепка с низко надвинутым козырьком, чёрный бомбер из плотной ткани

и тёмно-серые джинсы, почти сливающиеся с ночным асфальтом. Одежда была удобной, неброской — идеально для наблюдения. Он держался на расстоянии, провожая Эмму взглядом

до такси, а затем, поймав другую машину, проследовал за ней до самого бара.

У входа в «Уголок» Арон остановился, делая вид, что завязывает шнурок, и наблюдал краем глаза, как Эмма и Кристина, взявшись под руку, скрылись за тяжёлой деревянной дверью. Спустя пару минут он вошёл следом. Внутри былолюдно, но не переполнено — человек двадцать-тридцать. В меру громкая музыка играла из старых колонок, кто-то смеялся за дальним столиком, пара целовалась в углу. Арон огляделся и сразу заметил их: Эмма и Кристина заняли стул у барной стойки, чуть в стороне от основного потока. Кристина что-то оживлённо рассказывала, размахивая бокалом, но Эмма сидела ссутулившись, с отсутствующим взглядом.

Он натянул кепку ниже на лицо, почти закрыв глаза, и неторопливо прошёл мимо них, чувствуя, как знакомый аромат её духов коснулся ноздрей. Он сел за барную стойку спиной к ним, на высокий деревянный табурет, и жестом подозвал бармена. — Кофе, пожалуйста, — сказал он негромко, и бармен, кивнув, поставил перед ним чашку. Арон

обхватил её ладонями, грея пальцы, и замер, слушая разговор за своей спиной. Он не оборачивался, но каждое слово Эммы врезалось в его сознание.

Эмма была подавлена. Это читалось в каждом её движении, в том, как она теребила край блузки, как отводила взгляд и рассеянно крутила в пальцах салфетку. Кристина всеми силами пыталась её подбодрить: то шутила, то касалась её плеча, то закатывала глаза на какие-то глупые истории. Эмма сквозь силу выдавливала из себя улыбку — тонкую, вымученную, которая не касалась глаз. Они заказали две текилы. Маленькие рюмки с янтарной жидкостью звякнули, когда они чокнулись, и Эмма опрокинула свою в рот зал-

пом,

даже не поморщившись. Затем заказали ещё две, и ещё. Алкоголь полился рекой.

Вечер тянулся бесконечно долго. Стрелки часов, казалось, застыли. Эмма была уже достаточно пьяна — глаза покраснели, речь стала слегка заплетаться, а движения потеряли координацию. Под действием алкоголя она дала волю чувствам, которые так

долго

сдерживала. Она наклонилась к Кристине и зашептала, почти плача: — Ты не представляешь... Он написал мне, что уезжает. Просто «прости» и всё. А до этого я чуть не умерла, Крис. На меня напали, какой-то псих ударил меня по голове... А потом — тень под окном. Я боюсь. Я устала. Всё валится из рук. Работа — кошмар, начальник достал, денег нет... Я чувствую себя такой никчёмной. Зачем я вообще ему написала? Зачем? Кристина слушала её, время от времени кивая, подливала текилу, давала какие-то незначительные советы — вроде «выдохни», «забей», «будь сильнее». Но больше всего

она

была возмущена тем, что Эмма продолжает убиваться по какому-то ничтожеству. — Да

он

мудак, Эмма! — воскликнула Кристина, хлопнув ладонью по стойке. — Настоящий мудак! Он

просто пользовался тобой, и ничего больше. Ты должна его забыть, вычеркнуть, как будто его никогда не было. Слышишь? Он не стоит твоих слёз. Эти слова, грубые и прямые, надавили на больное место. Эмма вздрогнула, в глазах блеснули слёзы обиды и злости. Она молча опрокинула в себя последнюю рюмку, резко встала, чуть не опрокинув стул, схватила пальто и, не оборачиваясь, направилась к выходу. Кристина окликнула её, но Эмма только махнула рукой и вышла на улицу.

Арон допил кофе одним глотком, бросил на стойку купюру и, не оглядываясь, направился следом за ней.

Эмма шла, шатаясь из стороны в сторону, словно тростник на ветру. Ноги подкашивались,

мир плыл перед глазами. Она вышла на оживлённую улицу, где с обеих сторон неслись машины, фары слепили глаза, а гул мотора смешивался с шумом в её голове. Она хотела перейти на другую сторону — туда, где был её дом, — но потеряла равновесие. Ноги заплелись, и она рухнула прямо на проезжую часть, ударившись ладонями о холодный асфальт. Взметнулись волосы. Она подняла голову и увидела ослепительный свет фар, несущихся прямо на неё. Кто-то истошно засигналил. Время словно замедлилось. Эмма зажмурилась, сжалась в комок, ожидая удара.

Но вместо боли сильные руки перехватили её за талию и рванули в сторону, с дороги, на

тротуар. Они вместе упали на жёсткий асфальт — она на спину, Арон сверху, прикрывая её

своим телом. Машина с визгом пронеслась мимо, обдав их порывом горячего воздуха.

Эмма

открыла глаза — сердце колотилось где-то в горле, дыхание сбилось. Она испуганно уставилась на рядом лежащего Арона. Его лицо было в нескольких сантиметрах от её.

—

Ты в порядке? — спросил он, и голос его звучал мягко, но с нотками тревоги. Он приподнялся, оглядывая её, отводя волосы с лица. — Сильно ушиблась?

—

Да... Да, наверное, — ответила она неуверенно, всё ещё не веря, что жива. Руки дрожали.

Арон улыбнулся — тёплой, успокаивающей улыбкой, и притянул её к себе, обнимая за плечи. Он прижал её к груди, чувствуя, как она вся дрожит, как часто и неровно бьётся её сердце. — Тихе, тихе, — прошептал он, глядя её по спине. — Всё позади. Ты в безопасности. Слышишь? Я рядом.

Эмма всхлипнула, уткнувшись носом в его куртку. Она вдохнула знакомый запах — табак,

кофе, едва уловимая нотка древесины. И только спустя несколько секунд до неё дошло.

—

Арон? — прошептала она, отстраняясь. — Что... что ты здесь делаешь?

Он выдержал паузу, глядя ей прямо в глаза, затем ответил спокойно и ровно: — Я направлялся домой. Увидел девушку, которая выбежала на дорогу. Чудом успел. А это оказалась ты. — Он чуть наклонил голову, разглядывая её. — Судьба, наверное.

Эмма открыла рот, чтобы ответить, но вдруг её тело резко выгнуло — её вырвало. Она согнулась пополам, и её стошнило прямо на асфальт. Арон мгновенно среагировал: придержал её за плечи, а другой рукой собрал её длинные волосы, отводя их назад, чтобы они не испачкались. — Всё хорошо, дыши глубже, — говорил он тихо, почти шёпотом. — Просто алкоголь. Сейчас пройдёт.

Когда приступ рвоты прекратился, Эмма выпрямилась, вытерла лицо рукавом своего пальто,

оставляя грязные разводы. Она чувствовала себя отвратительно: одежда мятая, волосы спутаны, лицо мокрое, на языке горький привкус. Комок стыда подкатил к горлу.

—

Ты далеко живёшь? — спросил Арон, участливо заглядывая ей в глаза. — Давай я тебя провожу. Ты сама не дойдёшь.

Эмма сначала кивнула, затем покачала головой. — Нет, здесь недалеко. Правда. Я сама... Я провожу, — твёрдо сказал Арон, не оставляя ей выбора. Он подхватил её под руку,

—

поддерживая за талию, и они медленно двинулись в сторону её дома. Эмма шла, опираясь на него, чувствуя, как его тёплая рука прижимает её к себе.

У самой двери она остановилась, повернулась к нему. Щёки горели от стыда. — Спасибо тебе, — выдохнула она, не поднимая глаз. — За то, что спас. И за то... что проводил. Прости, что ты видишь меня в таком состоянии.

—

Не извиняйся, — мягко ответил Арон. — Всякое бывает. Главное — ты цела.

Эмма кивнула, всё ещё чувствуя себя мерзко и ужасно. Она открыла дверь квартиры, шагнула внутрь и обернулась. Арон стоял на пороге, засунув руки в карманы бомбера. Он смотрел на неё с лёгкой улыбкой, тихой и понимающей.

—

—

Спокойной ночи, Эмма, — сказал он, и в голосе его звучала глубокая, тёплая забота.

Спокойной ночи, — ответила она и скрылась.

Дверь за ней захлопнулась. Арон постоял ещё несколько минут около её дома, глядя на тёмное окно её спальни, пока там не зажёгся свет. Он глубоко вздохнул, мысленно повторяя: «Ещё немного, Эмма. Совсем чуть-чуть. И ты будешь счастлива. А это... это всё скоро закончится. Я сделаю так, чтобы всё было хорошо». Он поправил кепку и, развернувшись, растворился в ночной темноте, оставив за спиной лишь звук шагов, затихающих на пустынной улице.

ГЛАВА 8

Эмма проснулась около десяти утра. Солнце уже давно пробивалось сквозь незанавешанное

окно, расчерчивая комнату золотистыми полосами света. Однако этот свет не радовал — он, напротив, резал глаза, заставляя её жмуриться и отворачиваться к стене. Во рту было сухо, как в пустыне, язык казался шершавым и неповоротливым, а на нёбе и зубах остался кислый, противный привкус — горькое напоминание о вчерашней рвоте. Голова гудела, словно отбойный молоток работал где-то внутри черепа, а тело было ватным и разбитым.

Эмма зажмурилась изо всех сил и закрыла лицо ладонями, с силой прижимая пальцы к вискам. Волна стыда накрыла её с головой. Она вспомнила каждую деталь вчерашнего вечера: как пила текилу рюмку за рюмкой, как рыдала Кристине в плечо, рассказывая о Джордже и своих проблемах, как выбежала из бара, шатаясь, как упала на проезжую часть,

как её чуть не сбила машина, и как Арон, словно ангел-хранитель, выдернул её буквально из-под колёс. А потом — его руки, его объятия, его голос, успокаивающий и мягкий. И то, как её вырвало прямо перед ним, и ему пришлось держать её волосы...

—

Я ничтожество! — громко произнесла она вслух в пустоту комнаты, и голос прозвучал хрипло и надтреснуто. Она убрала ладони от лица и уставилась в потолок с тупой болью в глазах.

Но сквозь липкий слой стыда пробивалась ещё одна мысль — светлая, тёплая. Арон. Он уже

второй раз появлялся в самый нужный момент. Сначала — когда она сидела растерянная после неудачного и унижительного разговора с Харрисом, а потом — вчера ночью, когда она была на грани. Он спас ей жизнь. Буквально. И вёл себя так благородно, так заботливо, что это казалось нереальным. «Вероятно, как заметил Арон, это и правда судьба», — подумала Эмма, и на губах затеплилась слабая, ещё робкая улыбка. Она вдруг вспомнила, что в первый день их знакомства за кофе они обменялись номерами телефо-

нов.

«Надо ему написать. Поблагодарить ещё раз», — решила она.

Она протянула руку к прикроватной тумбочке, нащарила телефон, подтянула его к себе. Пальцы дрожали, когда она нажала кнопку разблокировки. Экран загорелся, и она принялась листать список контактов, пока не наткнулась на нужное имя: «Арон». Она

замерла на мгновение, собираясь с мыслями, а затем начала печатать сообщение. «Доброе
утро, как дела у моего спасителя? — написала она, подумала и добавила улыбающийся
смайлик. — :)»» Палец завис над кнопкой отправки, но после недолгого колебания она
нажала её. Сообщение улетело. Она положила телефон экраном вниз на тумбочку, отки-
нула

одеяло и босиком, поёживаясь от утренней прохлады, направилась в ванную. Ей хотелось
смыть с себя всю грязь, весь позор и вчерашний вечер — горячей водой, с мылом,
дочиста. Из-под душа она вышла только через двадцать минут, закутанная в пушистый
халат, с мокрыми волосами и чуть более ясным взглядом.

Арон тем временем уже давно бодрствовал. Он встал рано, ещё затемно, как привык, и
успел сделать зарядку, выпить чёрный кофе без сахара и проверить свою камеру
наблюдения, которая показывала ему изображение, Джорджа в стеклянной камере. Утро
было

солнечным, но прохладным, но на душе у него было светло и спокойно. Когда на телефоне
всплыло уведомление о новом сообщении, он машинально глянул на экран — и замер.

Имя
отправителя заставило его сердце пропустить удар, а затем забиться быстрее, гулко
отдаваясь в ушах. Он взял телефон в руки, словно это была хрупкая драгоценность, и
прочитал сообщение вслух, одними губами: «Доброе утро, как дела у моего спаси-
теля? :)»

Он почувствовал, как по лицу расплзается широкая, довольная и даже немного глупая
улыбка. Эти слова — «мой спаситель» — эхом зазвенели в голове, перекачиваясь снова и
снова. Он провёл большим пальцем по экрану, перечитал сообщение ещё раз, и сердце
забилось чаще. Собравшись, он начал набирать ответ, стараясь, чтобы тон был лёгким и
непринуждённым. «Доброе утро! Отлично. Сегодня прекрасный день. Как насчёт того,
чтобы

выпить кофе?» Он перечитал, поправил запятую и нажал «Отправить». После этого
убрал

телефон в карман джинсов и глубоко выдохнул, пытаясь унять волнение.

Но тут он вспомнил о деле, которое откладывать было нельзя. Вчерашняя ночь напоми-
нала

ему, что нужно быть начеку и не упускать ни одной детали. Он быстро принял душ,
смывая

утреннюю сонливость, затем переоделся в чистую одежду: простую белую футболку,
синие

джинсы, удобные кроссовки и свой любимый чёрный бомбер. Взглянув на себя в зеркало,
он

поправил воротник, провёл рукой по влажным волосам и, схватив ключи, покинул квар-
тиру.

Дверь за ним захлопнулась с тихим щелчком, оставляя пустую комнату в полумраке.
Эмма стояла посреди комнаты, закутанная в пушистый халат, с влажными волосами,
стекающими каплями воды на плечи. Она взглянула на телефон, оставленный на тум-
бочке, и

почувствовала, как сердце ёкнуло в груди. С замиранием она взяла его в руки, провела

пальцем по экрану — и увидела уведомление о новом сообщении от Арона. Она открыла его,

и глаза заскользили по строкам: «Доброе утро! Отлично. Сегодня прекрасный день. Как насчёт того, чтобы выпить кофе?»

Эмма замерла на мгновение, а затем её лицо расплылось в широкой, тёплой, почти детской

улыбке. Она прижала телефон к груди, словно это было что-то бесконечно дорогое, и прошептала сама себе: — Он пригласил меня выпить кофе... В голосе звучала искренняя радость, смешанная с лёгким удивлением. Она снова перечитала сообщение, смакуя каж-

дое

слово, и пальцы сами собой начали набирать ответ.

«Да, я с удовольствием. Рабочий день у меня заканчивается в шесть вечера. Можем встретиться в том кафе, где мы были в первый день знакомства». Она на мгновение задумалась, проверяя, не слишком ли прямолинейно это звучит, но затем решительно нажала «Отправить». Сообщение улетело, и она выдохнула, чувствуя, как внутри разливается приятное тепло.

Теперь нужно было собираться на работу. Эмма бросила взгляд на часы — времени оставалось впрытук. Она быстро подошла к шкафу, распахнула дверцы и принялась перебирать вешалки. Выбор пал на лёгкий светло-голубой свитер крупной вязки, кото-

рый

мягко облегал плечи, и тёмные джинсы-скинни. Она натянула их, затем расчесала влаж-

ные

волосы, оставив их свободно падать на спину — так они быстрее высохнут. Легкий макияж:

немного тонального крема, тушь на ресницы и блеск для губ. Взглянув на себя в зеркало, она осталась довольна — свежо, естественно, но при этом аккуратно.

Схватив сумку, ключи и телефон, она проверила, что взяла всё необходимое, и, бросив прощальный взгляд на комнату, вышла за дверь. Настроение, несмотря на головную боль

и

остатки вчерашнего стыда, было приподнятым. Впереди её ждал рабочий день, а после — кофе с Ароном, и от этой мысли на душе становилось легко и светло.

Добравшись до работы, Эмма неохотно толкнула тяжёлую стеклянную дверь офиса их редакции. Знакомый запах бумаги, кофе и типографской краски ударил в нос, смешива-

ясь с

гулом голосов и стуком клавиатур. Работа кипела как обычно: кто-то говорил по телефону, прижав трубку плечом к уху, кто-то спорил у кулера, размахивая распечат-

ками,

ещё пара сотрудников склонилась над монитором, обсуждая вёрстку очередного номера.

Каждый был занят своим делом, погружённый в рутину, которую Эмма знала досконально.

Она прошла к своему рабочему месту — небольшому столу у окна, заваленному стоп-

ками

бумаг и парой кактусов в горшках. Бросив сумку на стул, она огляделась. Кристины ещё не было. На мгновение Эмма замерла, вспомнив минувший вечер: как она, пьяная и разозлённая, резко встала из-за стола, даже не попрощавшись, выбежала из бара, оставив

Крестину одну с недопитой текилой и недоговорёнными словами. Её охватило острое чувство вины, почти физически сдавившее грудь. Кристина всегда её поддерживала, всегда

была рядом, помогала выбраться из самых дурацких ситуаций, а Эмма из-за того, что у неё в жизни полная задница, сорвалась на подругу, даже не сказав «спасибо» или «пока». Спустя мгновение дверь открылась, и в офис вошла Кристина с двумя стаканами кофе в руках. Она уверенно направилась прямо к Эмме, и та, не выдержав, затараторила, едва подруга приблизилась:

—

Крис, прости меня, пожалуйста! За вчерашнее. Я так перед тобой виновата. Я просто сорвалась, напилась, бросила тебя там, даже не попрощалась. Мне так стыдно, ты даже не представляешь... — голос её дрожал, она готова была расплакаться прямо сейчас, посреди

офиса.

Кристина поставила стаканы на стол, широко улыбнулась и, не говоря ни слова, крепко обняла её. Объятие было тёплым, родным, словно всё прощалось ещё до того, как были произнесены извинения.

—

Конечно же, я на тебя не злюсь, глупая, — сказала Кристина, отстраняясь и заглядывая ей в глаза. — Не переживай, всё отлично. Бывает. Главное, что ты добралась до дома целая. А остальное — ерунда.

Эмма выдохнула, чувствуя, как камень с души свалился. Она взяла протянутый стакан кофе, сделала глоток, ощущая, как тепло разливается по телу.

Весь рабочий день тянулся бесконечно медленно. Эмма не могла сосредоточиться на текстах, которые нужно было сдать к вечеру. Строки расплывались перед глазами, мысли то и дело улетали куда-то далеко — к Арону, к вечерней встрече, к его сообщению. Да и особого желания работать не было. Писать эти бредовые статьи, которые, казалось, никому не интересны и не нужны — о новых сортах пива, о том, как правильно выбирать скоровордки, или очередной репортаж с открытия никому не нужной выставки, — казало-

лось пустой тратой времени. Она несколько раз ловила себя на том, что сидит, уставившись в одну точку на мониторе, и барабанит пальцами по столу.

Когда наступил обеденный перерыв, Эмма и Кристина устроились в небольшом закутке у окна, подальше от коллег. Эмма, наконец, рассказала всё, что случилось вчера, после того как она покинула бар. Как вышла шатаясь на улицу, как упала на проезжую часть, как её чуть не сбила машина, и как Арон буквально выдернул её из-под колёс. Как он её успокаивал, как проводил до дома, как ей стало стыдно от того, в каком отвратительном состоянии он её застал. А затем, запинаясь, она рассказала и про утреннюю переписку, и про то, что сегодня в шесть они договорились встретиться в том самом кафе, где впервые познакомились.

Кристина слушала, прихлёбывая кофе, сначала с удивлением, а затем с одобрительной улыбкой. Когда Эмма закончила, она присвистнула:

—

Ничего себе у тебя приключения! Этот Арон, похоже, настоящий герой. И ты ему явно небезразлична, раз он так заботится о тебе. Дерзай, подруга. Может, это твой шанс на что-то настоящее.

Эмма только смущённо улыбнулась и опустила взгляд, чувствуя, как щёки заливают румянец. До вечера оставалось ещё несколько часов, но они тянулись невыносимо долго. Арон тем временем повесил на дверь своей антикварной лавки табличку с надписью

«Закрыто», проверил, хорошо ли заперт замок, и, убедившись, что никто не наблюдает, направился к двери, ведущей в подвал. В руках он держал бутылку свежей воды и сэндвич с ветчиной и сыром, который купил заранее в пекарне на углу. Хлеб был ещё мягким, а запах ветчины щекотал ноздри, но Арон не обращал на это внимания — мысли были заняты

другим.

Он открыл тяжёлую деревянную дверь, и из подвала потянуло сыростью и холодом. Лестница

привычно скрипнула под его шагами, когда он начал спускаться вниз. С каждым шагом

темнота сгушалась, и лишь тусклый свет одинокой лампы разгонял мрак внизу.

Когда Арон спустился, он увидел Джорджа. Тот лежал на полу, свернувшись в позу эмбриона, поджав колени к груди и уткнувшись лицом в сгиб локтя. Он спал — или, по крайней мере, находился в каком-то забытье, изредка вздрагивая во сне. Вид у него был жалкий: одежда мятая, волосы спутаны, под глазами залегли тёмные круги.

Арон бесшумно подошёл к стеклянной стене, открыл маленькое окошко и аккуратно положил

внутри сэндвич и бутылку воды. Затем закрыл заслонку, проверив, что та заперта, и несколько раз громко постучал костяшками пальцев по стеклу.

Джордж вскочил мгновенно, как от электрического разряда. Глаза его были широко раскрыты, дыхание сбито, он озирался по сторонам, пока его взгляд не остановился на Ароне. Он узнал его, и в глазах мелькнула смесь страха и надежды.

—

Ты вернулся, — выдохнул Джордж, голос его был хриплым и севшим. Он поднялся на ноги,

шагнул ближе к стеклу, прижался ладонями к холодной поверхности. — Слушай, чувак, прости меня. Прости, что я в прошлый раз так отозвался об Эмме. И прости, что угрожал тебе. Я был дураком, я не соображал, что говорю. Я всё сделаю, что ты скажешь. Всё, что угодно. Я никому не скажу ни слова, обещаю. Клянусь! — Он говорил быстро, захлёбываясь словами, словно боялся, что его прервут. — Слушай, у меня есть деньги. Много денег. Я готов заплатить тебе любую сумму. Назови цену. Всё, что захочешь. Только отпусти меня, пожалуйста. Я не хочу здесь сидеть. Я сделаю всё, что ты попросишь.

Арон стоял неподвижно, скрестив руки на груди, и внимательно рассматривал лицо Джорджа. Он смотрел на его дрожащие губы, на пот на лбу, на бегающие глаза. Внутри него разливалось тёплое, густое чувство превосходства. Он наслаждался каждым мгновением этой сцены: червяк, который ещё недавно чувствовал себя хозяином жизни, теперь ползал перед ним на коленях, умоляя о пощаде, обещая всё, что угодно, лишь бы вырваться на свободу. Арон не спешил с ответом. Он позволял тишине затянуться, давая Джорджу прочувствовать всю безысходность своего положения. Он смаковал этот момент,

как глоток дорогого вина.

Наконец, он медленно улыбнулся — холодной, расчётливой улыбкой, и произнёс тихо, почти

шёпотом:

—

Всему своё время, Джордж. Ешь, пока дают. Тебе понадобятся силы.

Он развернулся и, не добавив больше ни слова, начал подниматься по лестнице, оставляя Джорджа одного в тишине подвала, с сэндвичем и водой, которые тот даже не тронул. Эмма уже сидела в кафе за тем самым столиком у окна, где они впервые сидели в день знакомства. Она пришла немного пораньше, нервно то и дело поглядывала на дверь.

Когда

Арон вошёл, сердце её сделало кульбит. Она помахала ему рукой, и он, заметив её, улыбнулся своей тёплой, спокойной улыбкой и направился к ней. Он сел напротив, и на мгновение их взгляды встретились.

—
—

Здравствуй, Эмма, — сказал он негромко, и в его голосе слышалась искренняя радость. Привет, — ответила она, кокетливо кивнув, и щёки её слегка порозовели.

Они сделали заказ: Эмма, как обычно, взяла латте без сахара, а Арон — американо с двумя кубиками сахара. Кофе принесли быстро, и беседа потекла легко и непринуждённо,

словно они были знакомы целую вечность. Они говорили обо всём на свете: о музыке, о книгах, о смешных случаях из жизни, о путешествиях, о которых мечтали. Эмма чувствовала, как с каждым словом, с каждым смешком напряжение последних дней отпускает

её. С Ароном было хорошо и легко, будто она знала его всю жизнь. А он, в свою очередь, действительно знал её — намеренно, тщательно изучал каждую мелочь, каждую привычку,

каждое её желание. И благодаря этому знанию ему было невероятно легко создавать для неё ту самую тёплую, родную атмосферу, в которой она так нуждалась.

—

Арон, а где ты работаешь? — вдруг спросила Эмма, сделав глоток латте и с интересом глядя на него.

Он поставил чашку на стол, чуть наклонил голову, собираясь с мыслями, и начал

рассказывать:

У меня антикварная лавка. Очень старое и пыльное место, забитое разными диковинками.

—

Она досталась мне от моего опекуна, Оукли. Он взял меня к себе, когда мне было девять лет. Родителей у меня нет, так что Оукли стал для меня и отцом, и наставником. С тех пор я жил с ним, помогал в лавке, а после его смерти она перешла ко мне.

Эмма почувствовала лёгкую неловкость — тема родителей была для неё болезненной, и она

боялась, что невольно затронула что-то неприятное. Но Арон лишь мягко улыбнулся, словно читая её мысли, и сказал:

—

Не переживай. Это было давно. Всё хорошо.

Чтобы разрядить обстановку, он предложил:

Давай пройдемся? Погода сегодня чудесная, грех сидеть в четырёх стенах.

—

Эмма с радостью согласилась. Они расплатились, вышли из кофейни и направились по улице, погружённые в мягкий свет фонарей. Начало ноября всё ещё баловало Нью-Йорк необычайно тёплой погодой. Лёгкий, чуть прохладный ветер приятно освежал лица, шевелил

волосы, а в просветах между облаками едва угадывались звёзды. Они шли рядом, плечом к

плечу, наслаждаясь тишиной, прерываемой лишь звуками города и их негромкими головами.

Эмма украдкой взглянула на Арона и подумала, что этот вечер — самый лучший за последние недели.

Они продолжали неспешно прогуливаться по тихим вечерним улицам, наслаждаясь обществом

друг друга и мягким светом уличных фонарей, когда в сумке у Эммы зазвонил телефон.

Она

извинилась взглядом, достала мобильный и посмотрела на экран — высветилось имя Кристины. Эмма улыбнулась и приняла вызов.

—
—

Алло? — ответила она, слегка прижав телефон к уху.

Эмма! — раздался звонкий, чуть взбудораженный голос подруги. — Ты где? Я тут собираю
небольшую вечеринку у себя дома, совсем спонтанно. Соседи уехали на выходные, так
что

можно шуметь! Приходи, будет весело. И, кстати, захвати с собой того самого спасителя. Хочу познакомиться с героем лично!

Эмма слегка смутилась, бросив короткий взгляд на Арона, который шёл рядом, засунув руки в карманы бомбера, и с интересом смотрел на неё.

—

Кристина зовёт нас к себе на вечеринку, — прикрыв динамик ладонью, объяснила она, чуть наклонившись к нему. — Ты как? Не против? Если хочешь, мы можем отказаться и продолжить прогулку.

Арон улыбнулся, и в его глазах мелькнул тёплый огонёк. — Я не против. Вечер только начинается. Почему бы и нет? Тем более интересно познакомиться с твоей подругой. —

Он

говорил легко, непринуждённо, и Эмма почувствовала облегчение.

Она убрала ладонь и ответила в трубку: — Да, мы придём. Скинь адрес.

—

Супер! Жду вас! — Кристина продиктовала адрес и отключилась.

Арон уже открыл приложение Uber на своём телефоне. Через пару минут к ним подъе-
хала

белая Toyota, и они устроились на заднем сиденье. Эмма назвала адрес водителю, и машина плавно тронулась с места, увозя их в ночной город. За окном проплывали огни витрин, редкие прохожие и деревья, теряющиеся в темноте. В салоне играла тихая музыка,

и Эмма чувствовала, как этот вечер наполняется чем-то новым и волнующим. Она украдкой

взглянула на Арона — он смотрел в окно, но, словно почувствовав её взгляд, повернулся и ободряюще улыбнулся ей.

Машина свернула в тихий жилой квартал и остановилась у небольшого трёхэтажного дома, в

окнах которого горел тёплый свет и уже слышались приглушённые звуки музыки и смеха. Арон расплатился с водителем, вышел первым и галантно подал руку Эмме. Она приняла её,

чувствуя тепло его ладони, и они вместе направились к двери, где их уже ждала распахнутая дверь и силуэт Кристины в проёме.

Эмма и Арон переступили порог дома Кристины. Внутри играла негромкая, ритмичная музыка, смешиваясь с гулом голосов и звоном бокалов. Несколько человек уже

расположились в гостиной — кто-то танцевал, кто-то сидел на диване, увлечённо беседуя. В воздухе витал запах попкорна и цитрусовых. Кристина, завидев их, тут же подлетела к дверям с широкой улыбкой. Она с изумлённым любопытством оглядела Арона с ног до головы

—
высокий, с уверенной осанкой, в своём чёрном бомбере, он заметно выделялся среди гостей. — Знакомьтесь, — начала Эмма, чувствуя лёгкое волнение. — Кристина, это Арон.

Арон, это моя лучшая подруга Кристина. Кристина протянула руку, и в её жесте чувствовалась открытость и искренний интерес. — Приятно познакомиться, спаситель моей

подруги, — сказала она с тёплой улыбкой. Арон ответил рукопожатием, улыбнувшись в ответ. — Мне тоже приятно. Эмма много о тебе рассказывала. — Надеюсь, только хорошее,

—
подмигнула Кристина, затем повернулась к Эмме и, схватив её за руку, добавила: — Ну всё, Арон, чувствуй себя как дома, веселись. А я на пару минут украду твою спутницу, — и, не дожидаясь ответа, увлекла Эмму вглубь дома, в сторону кухни, оставив его одного в прихожей. Арон остался стоять, провожая их взглядом. Вокруг шумела вечеринка — кто-

то громко смеялся в углу, двое парней спорили о чём-то у стереосистемы, а девушка в блестящем топе налиwała себе вино за столом. Арон не спеша огляделся по сторонам, изучая пространство: планировку комнаты, расположение окон, лица гостей. Он сделал глубокий вдох, ощущая атмосферу праздника, и медленно двинулся к импровизированному

бару у стены.

ГЛАВА 9

Вечеринка была в самом разгаре. Музыка звучала громче, смех и разговоры сливались в общий гул, кто-то танцевал в центре комнаты, размахивая руками в такт мелодии. Арон взял с импровизированного бара бутылку безалкогольного пива и, не привлекая к себе лишнего внимания, пристроился в углу на небольшом диванчике, откуда открывался обзор

на всю гостиную. Он сидел спокойно, с невозмутимым лицом, наблюдая за гостями, но мысли его были далеко. Он терпеливо ждал, когда появится Эмма.

Спустя минут двадцать она наконец подошла к нему, мягко опустилась рядом на диван и, слегка коснувшись его плеча, спросила:

—
Ну как тебе вечеринка?

Арон помедлил с ответом. Взгляд его скользнул по комнате, по смеющимся лицам, по танцующим парам. Такие мероприятия никогда не привлекали его — шум, суета, пустые разговоры. Но ради Эммы он был готов терпеть. Он выдавил лёгкую улыбку и ответил:

—
Отлично.

Эмма улыбнулась в ответ, но в её глазах промелькнула тень сомнения. Она помолчала, а затем тихо произнесла:

—
А я вот не очень люблю вечеринки.

Арон повернул голову, взглянув на неё с любопытством.

Так зачем же ты на них ходишь? — спросил он ровным, заинтересованным голосом.

Эмма пожала плечами, теребя край своей блузы.

Потому что я в новом городе. Нужно вливаться в здешние правила и образ жизни,

—
—
заводить знакомства, обрести связи. Я планирую стать успешным журналистом.

Здесь

это важно, — ответила она, но в голосе не чувствовалось уверенности.

Арон молчал, глядя на неё в упор. Тишина затянулась на несколько секунд, а затем он задал вопрос, который застал её врасплох:

—
Зачем ты меня сюда привела, если ушла с подружкой и оставила одного?

Эмма смутилась, опустила взгляд. Она открыла рот, чтобы ответить, но слова застряли в горле. Ей нечего было сказать, потому что она и сама не знала ответа. В последнее время она вообще перестала понимать, чего хочет. Жизнь несла её по течению, и она лишь

пыталась удержаться на плаву, разбираясь в себе и своих желаниях.

Они сидели молча ещё какое-то время. Музыка играла, вокруг кипела жизнь, но между ними

повисла тяжёлая, вязкая тишина. Наконец Эмма поднялась и тихо сказала:

Пойдём отсюда. Уже поздно, я хочу рухнуть в свою постель.

—
Арон кивнул, допил пиво одним глотком и встал следом. Они направились к выходу, пробираясь сквозь толпу гостей, и уже почти у двери, когда Арон взялся за ручку, его окликнул женский голос:

—
Арон?

Он обернулся и в недоумении уставился на незнакомую девушку — стройную брюнетку в красном платье, которая смотрела на него с прищуром, словно пыталась вспомнить что-то
то
важное.

—
Я знаю тебя по своей старой знакомой, — сказала она, чуть склонив голову. — Ты год

назад встречался с ней. С Джессикой Кэмпбелл.

Арон замер. На мгновение его лицо изменилось — побледнело, черты заострились, в глазах

мелькнула тень, которую он тут же попытался скрыть. Он взял себя в руки, глубоко вздохнул и ответил ровным, чуть холодным голосом:

—

Год назад она рассталась со мной и уехала с каким-то парнем. Больше я о ней ничего не слышал.

Девушка одарила его долгим, изучающим взглядом. Повисла неловкая пауза, затем она пожала плечами и проговорила:

—

Видимо, она со всеми оборвала любую связь. Странно, правда?

Арон коротко кивнул, не добавив больше ни слова, и решительно направился к выходу. Эмма вышла следом, её взгляд был задумчивым. Она хотела спросить его о Джессике, о том, что произошло, но язык не повернулся. Что-то внутри неё подсказывало, что этот разговор может открыть дверь, в которую лучше не заглядывать. Она промолчала.

Он проводил её до самой квартиры. Они попрощались коротко, с лёгким Вечеринка была

В

самом разгаре. Музыка звучала громче, смех и разговоры сливались в общий гул, кто-то танцевал в центре комнаты, размахивая руками в такт мелодии. Арон взял с импровизированного бара бутылку безалкогольного пива и, не привлекая к себе лишнего внимания, пристроился в углу на небольшом диванчике, откуда открывался обзор на всю гостиную. Он сидел спокойно, с невозмутимым лицом, наблюдая за гостями, но мысли

его

были далеко. Он терпеливо ждал, когда появится Эмма.

Спустя минут двадцать она наконец подошла к нему, мягко опустилась рядом на диван и, слегка коснувшись его плеча, спросила:

—

Ну как тебе вечеринка?

Арон помедлил с ответом. Взгляд его скользнул по комнате, по смеющимся лицам, по танцующим парам. Такие мероприятия никогда не привлекали его — шум, суета, пустые разговоры. Но ради Эммы он был готов терпеть. Он выдавил лёгкую улыбку и ответил:

—

Отлично.

Эмма улыбнулась в ответ, но в её глазах промелькнула тень сомнения. Она помолчала, а затем тихо произнесла:

—

А я вот не очень люблю вечеринки.

Арон повернул голову, взглянув на неё с любопытством.

Так зачем же ты на них ходишь? — спросил он ровным, заинтересованным голосом.

Эмма пожала плечами, теребя край своей блузы.

—

—

Потому что я в новом городе. Нужно вливаться в здешние правила и образ жизни, заводить знакомства, обрывать связи. Я планирую стать успешным журналистом.

Здесь

это важно, — ответила она, но в голосе не чувствовалось уверенности.

Арон молчал, глядя на неё в упор. Тишина затянулась на несколько секунд, а затем он задал вопрос, который застал её врасплох:

—
Зачем ты меня сюда привела, если ушла с подругой и оставила одного?

Эмма смутилась, опустила взгляд. Она открыла рот, чтобы ответить, но слова застряли в горле. Ей нечего было сказать, потому что она и сама не знала ответа. В последнее время она вообще перестала понимать, чего хочет. Жизнь несла её по течению, и она

лишь

пыталась удержаться на плаву, разбираясь в себе и своих желаниях.

Они сидели молча ещё какое-то время. Музыка играла, вокруг кипела жизнь, но между

ними

повисла тяжёлая, вязкая тишина. Наконец Эмма поднялась и тихо сказала:

—
Пойдём отсюда. Уже поздно, я хочу рухнуть в свою постель.

Арон кивнул, допил пиво одним глотком и встал следом. Они направились к выходу, пробираясь сквозь толпу гостей, и уже почти у двери, когда Арон взялся за ручку, его окликнул женский голос:

—
Арон?

Он обернулся и в недоумении уставился на незнакомую девушку — стройную брюнетку в красном платье, которая смотрела на него с прищуром, словно пыталась вспомнить что-

то

важное.

—
Я знаю тебя по своей старой знакомой, — сказала она, чуть склонив голову. — Ты год назад встречался с ней. С Джессикой Кэмбелл.

Арон замер. На мгновение его лицо изменилось — побледнело, черты заострились, в глазах

мелькнула тень, которую он тут же попытался скрыть. Он взял себя в руки, глубоко вздохнул и ответил ровным, чуть холодным голосом:

—
Год назад она рассталась со мной и уехала с каким-то парнем. Больше я о ней ничего не слышал.

Девушка одарила его долгим, изучающим взглядом. Повисла неловкая пауза, затем она пожала плечами и проговорила:

—
Видимо, она со всеми оборвала любую связь. Странно, правда?

Арон коротко кивнул, не добавив больше ни слова, и решительно направился к выходу. Эмма вышла следом, её взгляд был задумчивым. Она хотела спросить его о Джессике, о том, что произошло, но язык не повернулся. Что-то внутри неё подсказывало, что этот разговор может открыть дверь, в которую лучше не заглядывать. Она промолчала.

Он проводил её до самого дома. Они попрощались коротко, с лёгким объятием, и Арон, дождавшись, пока она зайдёт внутрь, развернулся и зашагал прочь по пустой ночной улице. Фонари освещали его фигуру, отбрасывая длинную тень на мокрый асфальт. В

голове

роились мысли, одна тревожнее другой. Джессика. Это имя прозвучало как выстрел из

прошлого, которое он надеялся похоронить навсегда. Он сжал кулаки в карманах и ускорил шаг, растворяясь в ночи., и Арон, дождавшись, пока она зайдёт внутрь, развернулся и зашагал прочь по пустой ночной улице. Фонари освещали его фигуру, отбрасывая длинную тень на мокрый асфальт. В голове роились мысли, одна тревожнее другой. Джессика. Это имя прозвучало как выстрел из прошлого, которое он надеялся похоронить навсегда. Он сжал кулаки в карманах и ускорил шаг, растворяясь в ночи.

Эмма сидела на кровати, поджав ноги под себя и обхватив колени руками. В комнате было тихо, лишь изредка с улицы доносился шум проезжающих машин. Свет от ночника мягко освещал её лицо, но мысли её были далеко — они всё ещё крутились вокруг того, что произошло вечером, когда они с Ароном уже собирались уходить.

«Кто эта Джессика Кэмпбелл?» — в который раз спросила она себя, теребя край одеяла. Имя застряло в голове, как заноза. Почему после расставания с Ароном о ней никто ничего не слышал? И, главное, реакция самого Арона. Эмма ясно помнила, как он побледнел, как на мгновение его лицо исказилось — испуг? Или ей просто показалось?

Может быть, это была обычная неловкость от встречи с прошлым, которое он хотел забыть.

Но внутренний голос нашептывал, что здесь что-то не так.

Подумав ещё немного, Эмма решительно потянулась к ноутбуку, стоящему на тумбочке.

Она открыла крышку, подождала, пока экран загорится, и пальцы сами забегали по клавиатуре.

В поисковой строке она ввела: «Джессика Кэмпбелл».

Результат не заставил себя ждать. Всплыл аккаунт в одной из социальных сетей. На аватарке была красивая рыжеволосая девушка с яркими зелёными глазами и пухлыми губами, одетая в модную и довольно откровенную одежду. На фотографиях она выглядела счастливой и жизнерадостной — улыбалась в камеру, позировала на фоне города, с бокалом в руке на какой-то вечеринке. Но чем дальше Эмма листала ленту, тем сильнее её охватывала тревога. Последний пост был датирован ровно год назад. Ни новых фото, ни комментариев, ни отметок «нравится». Аккаунт застыл во времени, словно его хозяйка просто исчезла.

«А вдруг она просто сменила аккаунт? Или имя? Или уехала в лучшую жизнь и решила начать всё с чистого листа?» — попыталась успокоить себя Эмма, но внутри уже зародилось сомнение, холодком разлившееся по груди. Она закрыла ноутбук, отодвинула его в сторону и глубоко выдохнула.

Тяжесть мыслей давила на плечи, и Эмма решила переключиться. Она взяла телефон, открыла контакты, нашла нужное имя и, недолго думая, напечатала сообщение: «Я тебя жду».

Отправила, отложила телефон на тумбочку экраном вверх и, откинувшись на подушку, уставилась в потолок. Сердце билось чуть быстрее обычного. Она перешла в режим ожидания, прислушиваясь к каждому звуку за дверью, надеясь, что он придёт и развеет её

тревоги.

ГЛАВА 10

Следующий день у Эммы начался в девять утра, как обычно. Солнце уже пробивалось
сквозь

большое окно её квартиры, окрашивая комнату в мягкие золотистые тона. Она медленно открыла глаза, чувствуя легкую усталость после вчерашнего вечера — гость покинул её квартиру около трёх часов ночи. Эмма настояла на этом: ей было неловко оставлять его до утра, да и сама она не была готова к таким серьёзным шагам. Она хотела сохранить дистанцию, хотя внутри что-то теплое отзывалось на его присутствие.

Она встала с постели, потянулась, сбрасывая остатки сна, и направилась в душ. Горячая вода приятно обжигала кожу, смывая усталость и ночные мысли. Она тщательно привела себя в порядок, умылась, расчесала влажные волосы и накинула уютный домашний халат. Затем, чувствуя лёгкий голод, прошла на кухню.

Эмма включила кофемашину, и вскоре по квартире разлился аромат свежесваренного кофе.

Пока кофе готовился, она достала хлеб, яйца и сливочное масло, чтобы приготовить парочку бутербродов с яйцом. Она аккуратно нарезала хлеб, обжарила его на сковороде до

золотистой корочки, сверху выложила глазунью. Получилось просто и аппетитно.

Поставив тарелку с бутербродами и чашку кофе на стол, Эмма взяла телефон. Она сделала

кадр своего завтрака — уютное фото, подсвеченное утренним солнцем, и быстро зафотографировала

его на Facebook, подписав просто: «Доброе утро ». Лайки и комментарии не заставили себя ждать, но она лишь мельком глянула на них. Её мысли были заняты другим — предстоящими выходными.

Она села за стол, сделала глоток кофе и принялась просматривать новости на просторах интернета, лениво листая ленту. Два выходных дня впереди — нужно всё распланировать,

чтобы успеть и отдохнуть, и разобраться с накопившимися делами. Эмма взяла блокнот и ручку, чтобы набросать список, но взгляд снова и снова возвращался к телефону, словно она ждала сообщения от Арона. Вчерашний вечер, его реакция на имя Джессики, её собственные сомнения — всё это перемешалось в голове, создавая лёгкое, но настойчивое

беспокойство.

Утро в антикварной лавке Арона началось необычно оживлённо. Солнечные лучи пробивались

сквозь пыльные витрины, освещая старинные подсвечники, фарфоровые статуэтки и пожелтевшие гравюры. Покупатели заходили один за другим — кто-то искал редкое издание,

кто-то приценивался к массивному дубовому комоду, а молодая пара увлечённо рассматривала коллекцию винтажных брошей. Арон едва успевал обслуживать всех: снимал с

полок безделушки, аккуратно запаковывал купленные вещи в крафтовую бумагу, пересчитывал мелочь на кассе. К его удивлению, продажи шли бойко — ушли несколько

картин в резных рамах, три стопки старых книг по истории и географии, а также целая россыпь мелких предметов: от оловянных солдатиков до музыкальной шкатулки с выцветшей

балериной. Поток посетителей не иссякал, и Арон, обычно привыкший к тишине и одиночеству, чувствовал приятную усталость от суеты.

К полудню, когда часы на стене пробили двенадцать, наступило долгожданное затишье. Покупатели разошлись, и в лавке воцарилась та особая тишина, когда слышно лишь, как тикают старинные часы да скрипят половицы. Арон облегчённо выдохнул, потёр уставшие

глаза и опустил на мягкий стул за прилавком. Он откинулся на спинку, прикрыл веки, наслаждаясь минутой покоя. В голове мелькали мысли о проделанной работе, о приятной выручке и о том, что сегодняшний день определённо удался. Он уже собирался налить себе

воды из графина, как вдруг резкий звон колокольчика над входной дверью нарушил тишину.

Арон поднял голову и замер от неожиданности. На пороге стояла Эмма — девушка, которую

он никак не ожидал здесь увидеть. Она выглядела свежо и легко: голубой свитер, черные широкие джинсы, ботинки на массивной подошве, расстегнутое пальто, распущенные волосы,

на губах играла мягкая улыбка. В одной руке она держала два бумажных стаканчика с кофе, в другой — небольшой пакет, из которого аппетитно торчал уголок круассана. — Привет, Арон, — произнесла она звонким голосом. — Как у тебя дела? Я решила зайти, принести тебе перекусить. Я смотрела со стороны — день у тебя сегодня просто сумасшедший, клиенты толпой валят. Подумала, что ты, наверное, голоден и не успел даже

передохнуть.

Арон почувствовал, как напряжение, державшее его в тонусе несколько часов, внезапно отпустило. Он улыбнулся в ответ — тепло и благодарно. — Спасибо, Эмма, — сказал он, принимая из её рук стаканчик с кофе и пакет. — Это именно то, что мне сейчас нужно. Аромат свежесваренного кофе наполнил лавку, смешиваясь с запахом старой бумаги и полированного дерева. Арон сделал глоток — напиток оказался в меру горячим, с лёгкой горчинкой, и это ощущение разлилось по телу приятным теплом. Но ещё больше грело душу

то, что этот кофе принесла именно Эмма. Он заметил, как она заботливо смотрит на него, и в груди стало легко и уютно.

Откусив кусочек круассана — тёплого, маслянистого, с хрустящей корочкой, — Арон вдруг

вспомнил, что так и не спросил её о главном. — Слушай, а как ты вообще нашла мою лавку? — поинтересовался он, с любопытством глядя на неё поверх стаканчика. — Я ведь никогда не говорил тебе точного адреса, да и район здесь не самый оживлённый.

Эмма хитро прищурилась, её глаза заблестели. Она сделала глоток из своего стаканчика, не торопясь с ответом, а затем кокетливо улыбнулась: — Ах, Арон, ты, кажется, забываешь: если женщина чего-то очень сильно хочет, она обязательно это получит.

Поверь мне, для настоящего желания нет преград. Я просто спросила у пары знакомых, потом заглянула в городской справочник, ну и... интуиция подсказала. А ещё, — она лукаво

подмигнула, — я помню, как ты описывал вид из окна своей лавки. Увидела похожую вывеску — и вот я здесь.

Арон рассмеялся — искренне, с облегчением, как будто сбросил груз дневной усталости.

— Ты не перестаёшь меня удивлять, — сказал он, откусывая ещё один кусочек круассана. Хруст сдобы прозвучал аппетитно в тишине лавки. — Присаживайся, — он указал на стул

рядом с прилавком. — Давай выпьем кофе вместе. У меня как раз выдалась свободная минутка.

Эмма с удовольствием устроилась напротив, поставив свой стаканчик на деревянную стойку. Они сидели в окружении старинных вещей, пили кофе и лакомились круассанами

— маслянистыми, с нежной начинкой, которые таяли во рту. За окном проплывали редкие облака, в лавке царил полумрак, и только солнечные зайчики играли на потёртой поверхности стола. Арон чувствовал, как уходит напряжение, как каждое мгновение наполняется тихой радостью. Он смотрел на Эмму, улыбающуюся и беззаботную, и думал

о том, что, возможно, сегодняшний день стал удачным не только из-за хорошей выручки, но

и из-за этой неожиданной, но такой приятной встречи.

ГЛАВА 11

Вечер в баре выдался шумным и многолюдным. Гул голосов, звон бокалов, приглушённая

музыка создавали ту самую атмосферу анонимности, в которой так легко затеряться. Арон

сидел за столиком в углу, надвинув на лоб тёмную кепку и облачившись в простую, ничем не примечательную одежду — серую куртку и потёртые джинсы. Он намеренно выбрал место

спиной к Эмме и её подруге, чтобы не рисковать быть замеченным, но при этом оказаться достаточно близко, чтобы слышать каждое слово. Вокруг сновали посетители, кто-то громко смеялся, бармен ловко жонглировал шейкером, но Арон не обращал ни на что внимания. Все его чувства были обострены до предела: он вслушивался в разговор за своей спиной, ловя интонации, паузы, смешки.

Первые несколько минут речь шла о пустяках: о новой помаде, о странном коллеге на работе, о планах на выходные. Обычная женская болтовня, которая в другое время наве-
яла

бы скуку, но сейчас держала Арона в напряжении. Он почти расслабился, решив, что ничего важного не услышит, как вдруг фраза, долетевшая до его ушей, заставила его замереть. Сердце пропустило удар, а затем забило с такой силой, что пульс отдавался в висках. Дыхание перехватило, стало тяжело и прерывисто, словно ему не хватало воздуха. Эмма, понизив голос, но всё же отчётливо произнесла:

— ...а потом я переспала с тем парнем из клуба. Ну, помнишь, я тебе рассказывала? После того как Арон проводил меня домой. Он ушёл, а я... в общем, сама не знаю, как это вышло.

Но было жарко, скажу я тебе.

Арон почувствовал, как земля уходит из-под ног. Он сжал край стола побелевшими пальцами, стараясь не издать ни звука. Кристина, подруга Эммы, сидела напротив неё с

широко раскрытыми глазами — в них читалось искреннее изумление. Она наклонилась ближе

и тихо спросила:

—

Эм... а как же Арон? Я думала, он тебе нравится. Вы вроде так мило смотрелись вместе в последнее время.

Эмма пожала плечами, её голос стал легкомысленным, почти беззаботным:

—

Арон? Ну, может быть. Понимаешь, Крис, после того как Джордж меня бросил, я вообще не знаю, чего хочу. Мне просто нужно... ну, перезарядиться, что ли. Лёгкий секс на одну ночь, без обязательств. Это помогает забыться, отвлечься. Я пока не готова к серьёзным отношениям.

У Арона внутри всё перевернулось. «Может быть?» — мысленно повторил он, чувствуя, как

горечь подступает к горлу. «Я — просто «может быть»? А то, что было между нами, ничего

не значит?» Он с трудом сдерживался, чтобы не вскочить и не подойти к ним. Кристина молчала несколько секунд, переваривая услышанное, а затем вдруг рассмеялась, пытаясь разрядить обстановку:

—

Слушай, подруга, смотри не втянись в это дело. А то привыкнешь к лёгким победам — потом мужики будут только для разового пользования годиться. Но если тебе так легче...

—

она хитро подмигнула, — то удачи тебе в твоих «исследованиях».

Эмма тоже засмеялась, и их смех прозвучал для Арона как ножом по стеклу. Он сидел, вцепившись в край стола, и чувствовал, как злость закипает в груди, смешиваясь с обидой и отвращением. Но на этом пытка не закончилась. К столику Эммы подошёл высокий

парень в расстёгнутой рубашке с нагловатой улыбкой. Он наклонился к ней, что-то прошептал на ухо, а затем его рука скользнула по её талии, притягивая ближе. Эмма не сопротивлялась, наоборот — она кокетливо улыбнулась, положила ладонь ему на плечо и позволила продолжить эти фамильярные прикосновения.

Арона захлестнула волна тошноты и омерзения. Видеть, как та, кого он считал близкой, так легко и открыто флиртует с незнакомцем, позволяя ему касаться себя — это было невыносимо. Ему хотелось подойти, схватить её за руку и увести, крикнуть, чтобы она прекратила, чтобы вспомнила их совместные вечера, разговоры, те искренние моменты, которые, как ему казалось, были настоящими. Но вместо этого он сидел неподвижно, сжимая челюсти до скрежета зубов. Боль распирала грудь, злость нарастала с каждой секундой, но он молчал, боясь, что если откроет рот, то не сдержится, и тогда всё рухнет окончательно. Он просто сидел, уставившись в одну точку, и слушал, как за спиной продолжается весёлая беседа, пока внутри него медленно разгорался пожар из обиды, ярости и горького разочарования.

Ночь опустилась на город густым, липким покрывалом. Уличные фонари разбрасывали жёлтые

пятна света по мокрому асфальту, редкие прохожие спешили по домам, а Арон стоял,

прижавшись спиной к холодной стене здания, и не мог оторвать взгляда от выхода из бара. Он видел, как Эмма, смеясь, вышла под руку с тем самым парнем — высоким, самоуверенным, с нагловатой улыбкой. Она что-то шепнула ему на ухо, он хлопнул её по ягодице, и они вместе направились к стоянке такси. Арон сжал кулаки так, что ногти впились в ладони, но остался стоять на месте, словно прикованный к земле.

Он видел, как они сели в жёлтое такси, как машина тронулась с места, и, не отдавая себе отчёта, Арон двинулся следом. Он не знал, зачем он это делает, но ноги сами несли его вперёд, ускоряя шаг, переходящий почти в бег. Он успел заметить номер дома, когда такси остановилось у знакомого подъезда — он знал этот дом, знал эту улицу. Сердце колотилось где-то в горле, когда он наблюдал, как Эмма и её спутник выходят из машины, как она, пошатываясь от выпитого, достаёт ключи, как парень нетерпеливо прижимает

её к

двери, целуя в шею. Они вошли внутрь, и свет в окнах на третьем этаже загорелся через минуту.

Арон замер под козырьком соседнего дома, глядя на освещённые окна, как на сцену в театре теней. Шторы не были задёрнуты до конца, и он отчётливо видел силуэты. Сначала они целовались у входа, затем Эмма, смеясь, начала стягивать с парня рубашку — резкими, нетерпеливыми движениями. В одно мгновение оба остались абсолютно

голыми.

Арон почувствовал, как к горлу подкатила тошнота, но не мог отвести взгляд. Он видел, как парень развернул Эмму спиной к себе, как она упёрлась руками о край стола, прогнув спину в соблазнительном изгибе. Его руки скользнули по её позвоночнику вниз, к талии, а затем он резко, без прелюдий, вошёл в неё. Движения были грубыми, жёсткими, ритмичными — он вколачивался в неё снова и снова, наращивая темп. В свете тусклой лампы было видно, как напряглись мышцы на его спине, как он схватил Эмму за волосы, рывком развернул к себе, усадил на стол и продолжил, уже лицом к лицу, одной рукой сжимая её грудь, другой придерживая ногу, закинутую ему на плечо.

Арон стоял, не в силах шелохнуться. Каждое движение, каждый стон, который, как ему казалось, он слышит сквозь закрытые окна, отдавался в висках пульсирующей болью.

Глаза

защищало от напряжения, в груди разрастался ледяной ком. Мысли метались: «Я должен войти туда. Я должен вырвать этому ублюдку руки. Я должен...» Он представил, как врывается в квартиру, как бьёт этого парня снова и снова, как смотрит в испуганные глаза Эммы... и от этой картинки стало ещё больнее. Злость, ярость, горечь перемешались

лись

в коктейль, который обжигал изнутри.

Прошло, казалось, бесконечно много времени, хотя на самом деле — не больше двадцати минут. Парень вышел из подъезда, поправляя воротник куртки, насвистывая какую-то мелодию. Он даже не оглянулся на окна, из которых только что вышел. Арон, действуя на автомате, отделился от стены и направился за ним. Шаги стали твёрже, в голове шумело, кулаки сжимались сами собой. Он уже видел, как набрасывается на него, как валит на землю, как душит голыми руками, пока тот не перестанет дышать. Достаточно одного точного удара. Пустынная улица, ни свидетелей, ни камер — идеальное место.

Но вдруг, когда до цели оставалось метров десять, Арон резко остановился. Словно невидимая рука ударила его по лицу, возвращая в реальность. Он стоял, тяжело дыша, и чувствовал, как адреналин схлынивает, оставляя после себя пустоту и дрожь в коленях. Мысли прояснились: «Убить его? А дальше? Убивать каждого парня в Нью-Йорке, кото-

рый с

ней спит? Если она не готова к отношениям, если ей нужно время, чтобы залечить раны

после Джорджа, — я не могу насильно ворваться в её жизнь. Я не могу требовать от неё верности, если она сама не знает, чего хочет».

Арон глубоко вдохнул холодный ночной воздух, чувствуя, как лёгкие наполняются горечью

и свежестью. Он развернулся и медленно, не оглядываясь, пошёл в противоположную сторону — туда, где улицы становились темнее, где фонари горели реже, где можно было раствориться в тенях. В голове звенела тишина, сменившая бурю. Он решил: он даст ей время. Не будет давить, не будет устраивать сцен, не будет преследовать. Просто будет рядом — тихо, незаметно, на расстоянии. Потому что если он действительно её любит, то должен уважать её выбор, даже если этот выбор причиняет ему невыносимую боль. Шаги глухо отдавались в пустоте улицы, и Арон скрылся в темноте, оставив позади освещённые окна, в которых, возможно, сейчас плакала Эмма, или, возможно, уже спала, не подозревая, какую бурю она вызвала в его душе.

ГЛАВА 12

Ноябрьский ветер хлестал по лицу ледяными порывами, пробираясь под куртку и заставляя

зябко передёргивать плечами. Арон шёл по пустынным улицам, опустив голову и сунув руки

глубоко в карманы. Холод отрезвлял, выдувал из головы остатки дурмана, смешанного из ярости, обиды и ревности. С каждым шагом дыхание становилось ровнее, пульс замедлялся,

а мысли — чётче и трезвее. Он почти дошёл до своего дома, уже видел впереди знакомый поворот, как вдруг резко остановился, словно наткнувшись на невидимую стену.

—

Вот чёрт! — выругался он вслух, и его голос растворился в завываниях ветра.

Джордж. Как он мог забыть о нём? Двое суток. Целых двое суток прошло с тех пор, как он не приносил ему еду и воду. Арон планировал вернуться через несколько часов, но потом появилась Эмма, и он с головой ушёл в общение с ней — встречи, прогулки, разговоры до поздней ночи. Всё остальное вылетело из головы. А теперь, когда пелена спала, осознание ударило наотрез, как пощёчина.

Арон развернулся и быстрым шагом направился в сторону лавки. Сердце снова забилося часто, но теперь не от ревности, а от тревоги. Джордж — это проблема. Большая проблема. Сынок богатых родителей, привыкший, что ему всё сходит с рук. Увидев лицо Арона, он, без сомнения, сдаст его полиции при первой же возможности. Отпустить его? Нет, это самоубийство. Значит, нужно найти на него такую компрометирующую информацию,

такой криминальный след, чтобы у Джорджа не осталось выбора: либо он молчит и сидит смирно, либо летит в тюрьму на долгие годы, забрав с собой и свою репутацию, и будущее. Арон знал, что у таких, как Джордж, всегда есть скелеты в шкафу — достаточно покопаться, и что-нибудь выплывет.

Арон шёл всё быстрее, почти бежал. Или, может быть, стоит просто покончить с этим раз и навсегда? Убить его — инсценировать всё так, будто Джордж сам уехал из города, порвал все связи, исчез бесследно. А тело... от тела избавиться так, чтобы его никогда не нашли. Глубокий карьер, пустырь за городом, старый заброшенный подвал, залитый бетоном. Нет тела — нет дела. В голове проносились варианты один мрачнее другого, но

каждый звучал пугающе реалистично. Арон сжал зубы до скрежета. В конце концов, он не убийца, не хладнокровный психопат. Но когда на кону стоит его свобода, его жизнь — способен ли он переступить черту?

Он уже подходил к двери лавки. Рука дрогнула, когда он доставал ключ. Внутри — тишина.

Там, в подсобке, ждал Джордж. Надо было принимать решение, и времени на раздумья почти

не осталось.

Арон спустился в подвал, и ступени жалобно скрипели под его ногами. Воздух здесь был спёртым, тяжёлым, с привкусом сырости, старой пыли и чего-то кислого. Единственная тусклая лампочка под потолком стеклянной камеры отбрасывала скудный жёлтоватый свет

на бетонные стены и цементный пол, покрытый трещинами. В углу камеры, скорчившись,

лежал Джордж. Он был неузнаваем — щёки впали, на лице выступила недельная щетина, под

глазами залегли тёмные круги. Одежда, некогда дорогая и стильная, теперь выглядела мятым тряпьем, пропитанным потом и пылью. Джордж не шевелился, лишь едва заметно вздымалась грудь, и казалось, что он находится в каком-то забытом небытии, на грани между сном и обмороком от истощения.

Арон пару мгновений постоял, разглядывая эту жалкую фигуру. Чувства были смешанными:

где-то глубоко внутри шевельнулось нечто похожее на жалость, но он тут же подавил его, напомним себе, что этот человек — угроза, которую надо нейтрализовать. Он подошёл к маленькому окошку стеклянной камеры, с трудом отодвинул засов и открыл его. Арон достал из кармана бутылку воды, положил ее, затем плотно закрыл окошко и задвинул засов обратно.

—

Эй, — негромко сказал он, постучав костяшками пальцев по стеклу.

Звук эхом разнёсся по подвалу. Джордж вздрогнул, словно от электрического разряда. Его

веки затрепетали, он с трудом приподнял голову, шурясь от тусклого света. Взгляд упал на бутылку, стоящую рядом. Сначала — недоверие, затем животная, почти безумная жажда.

Джордж рванулся вперёд, сполз с матраса и на четвереньках, не в силах подняться на ноги, пополз к окошку. Схватив бутылку дрожащими пальцами, он сорвал крышку зубами и

принялся жадно пить, делая большие глотки, захлёбываясь и проливая драгоценную влагу

на грязный пол. Каждое движение выдавало отчаяние: он боялся уронить бутылку, боялся,

что вода исчезнет, боялся, что этот глоток жизни окажется последним.

Арон стоял в стороне, скрестив руки на груди, и смотрел на это зрелище с плохо скрываемым отвращением. Брезгливость шевельнулась где-то в животе. Он видел перед собой не человека, а загнанного зверя, потерявшего человеческое достоинство. И этот зверь знал его лицо. Арон молчал, давая Джорджу возможность напиться, но в голове уже прокручивал следующие шаги. Времени на сантименты не было. Нужно было решать судьбу

этого пленника, и варианты, один жестче другого, всплывали в сознании, как круги на

воде от брошенного камня.

После того как Джордж опустошил бутылку с водой, его дрожащие пальцы всё ещё сжимали

пустой пластик, когда Арон, покопавшись в рюкзаке, извлёк сэндвич, завернутый в мятую

бумагу. Он протянул его Джорджу, не произнеся ни слова. — Вот, — коротко бросил Арон.

—

Единственное, что нашлось из еды. Арахисовая паста. Не идеально, но хоть что-то, подумал Арон. Джордж, не глядя, жадно вцепился зубами в хлеб, начал жевать с голодной поспешностью. Он был настолько истощён, что первые секунды просто наслаждался вкусом и

текстурой, не задумываясь о составе. Но уже через несколько мгновений его шея и лицо начали покрываться красными пятнами, дыхание стало сбивчивым, а в горле возникло ощущение, будто кто-то сжимает его тисками.

—

Что... что это? — прохрипел Джордж, выронив недоеденный сэндвич. Его глаза расширились

от ужаса. — там арахис... у меня аллергия... сильная... Мне нужна помощь, срочно! Вызови

скорую! — голос срывался на хрип, он начал задыхаться, хватаясь за горло. Тело содрогалось в конвульсиях, судороги прокатывались по мышцам. Арон стоял неподвижно,

будто превратившись в каменное изваяние. Он смотрел, как Джордж корчится на бетонном

полу — мычал, хрипел, пытался вдохнуть, но воздух застревал в спазмированных бронхах.

Глаза налились кровью, лицо посинело, пальцы царапали пол в тщетной попытке поползти

до запертой стеклянной двери его собственной камеры. Арон не шевелился. Он просто стоял, глядя вниз, не в силах пошевелиться. Мысли смешались в хаотичный клубок: злость

на Джорджа за его прошлые угрозы, страх перед разоблачением, и где-то на дне — ужас перед тем, что он сейчас наблюдает, не вмешиваясь. Время тянулось бесконечно долго. Хрипы становились реже, слабее, пока не стихли совсем. Джордж замер, вытянувшись на полу. Глаза остекленели, грудь больше не вздымалась. Тишина опустилась на подвал такой

плотной пеленой, что стало слышно, как где-то наверху капает вода из крана. Арон стоял, глядя на бездыханное тело, и чувствовал, как внутри всё сжимается от ледяного холода. Он понимал, что жизнь покинула Джорджа, что теперь это просто мёртвая плоть.

И

он, Арон, стоял и смотрел, как человек умирает, не сделав ни шага, ни единой попытки чтобы его спасти.

Арон стоял на пороге лавки, уже одной ногой на улице, но мыслями всё ещё в подвале,

где осталось бездыханное тело Джорджа. Холодный воздух врвался в приоткрытую дверь,

обжигая лицо, и это помогало держать голову ясной. Он отчётливо понимал: оставлять тело вот так, без должной подготовки, — смертельная ошибка. Труп начнёт разлагаться в течение нескольких часов, особенно если температура в подвале поднимется. Запах просочится сквозь щели, привлечёт насекомых, а затем — и ненужное внимание соседей или

случайных посетителей, которые могут заглянуть в лавку, почувствовав неладное. Нужно действовать быстро, но хладнокровно.

Он взглянул на часы: до рассвета оставалось не больше часа. Небо на востоке уже начинало светлеть, окрашивая крыши домов в бледно-серый цвет. Скоро город проснётся, и

улицы заполнятся людьми — спешащими на работу, открывающими магазины, выгуливающими

собак. Выносить тело при дневном свете было невыносимо. Значит, Джорджу придётся пролежать в подвале до следующей ночи. Арон вернулся к терморегулятору — старому, запылённому устройству с потрескавшимся корпусом, который он когда-то установил, чтобы

сохранять антикварные книги и картины от сырости и перепадов температур. Он покрутил

колёсико до упора в сторону синего сектора, запуская систему охлаждения. В углах подвала загудели старые трубы, из вентиляционных решёток потянуло холодом. Температура

начала медленно падать, воздух становился сырым и пронизывающим. В такой холодильной

камере процессы разложения замедлятся, запах будет минимальным, по крайней мере, на ближайшие сутки.

Арон поднялся по лестнице, стараясь ступать бесшумно, хотя в лавке, кроме него, никого не было. Он запер за собой тяжёлую дубовую дверь на два оборота ключа, проверил засов —

надёжно, никаких щелей. Затем прошёл через антикварный зал, где в предутреннем сумраке тускло поблёскивали старые подсвечники, фарфоровые статуэтки и резные шкатулки. Всё здесь выглядело мирно и невинно, и только Арон знал, какая тайна скрывается под полом этого уютного магазинчика. На выходе он щёлкнул замком входной двери и задвинул дополнительный засов. Лавка была надёжно заперта, словно ничего необычного не произошло.

Улица встретила его порывом ледяного ветра. Фонари уже гасли, растворяясь в сером утреннем свете. Арон зашагал в сторону своего дома, расположенного в нескольких кварталах отсюда. Он шёл быстрым, твёрдым шагом, опустив голову и сунув руки в карманы, стараясь не привлекать внимания. В голове уже выстраивался чёткий перечень необходимых вещей: пила с запасными лезвиями, крепкие мешки для мусора (желательно

чёрные, плотные, на несколько слоёв), известь или другое средство для ускорения разложения и нейтрализации запаха, прочные верёвки, пластиковая плёнка, хозяйственные

перчатки, сменная одежда, которую потом можно будет сжечь. И главное — транспорт. Свою

машину он не рискнул бы использовать — слишком легко отследить. Нужно взять напрокат в

какой-нибудь захудалой конторе или «одолжить» на пару часов автомобиль, не привлекая

внимания.

Арон свернул за угол, приближаясь к своему дому. Мысли лихорадочно перебирали варианты. Он знал несколько строительных магазинов на окраинах, где продавцы при-
выкли

не задавать вопросов, где камеры слежения висели для вида, не работая, и где можно купить всё необходимое наличными без чека. К тому же у него был знакомый, державший небольшой гараж в промзоне, — он мог бы воспользоваться его инструментарием и пространством, чтобы разобрать тело. Оставалась самая сложная часть: как незаметно перевезти останки и избавиться от них так, чтобы их никогда не нашли. В голове всплывали варианты — от старых карьеров за городом до заброшенныхстроек, где фундаменты залиты свежим бетоном. "Нет тела — нет дела", — шептал он про себя,

отгоняя

сомнения, которые поднимались из глубины души. Он вошёл в подъезд, поднялся на свой этаж и закрыл за собой дверь, чтобы через час выйти уже с чётким планом и готовностью сделать то, чего раньше никогда не делал.

ГЛАВА 13

Арон сидел за кухонным столом в своей маленькой квартире, уставившись в одну точку
на

стене, и перебирал варианты. Час сменялся другим, солнце медленно ползло по небу, заливая комнату тусклым осенним светом, но он почти не замечал времени. Мысли кружились в лихорадочном хороводе: закопать — слишком рискованно, могут найти

собаки

или случайные прохожие; утопить в реке — тело всплывёт, если не привязать достаточно груза, а достать столько груза незаметно — проблема; растворить в кислоте — нужны специальные реактивы, которые не купить просто так, да и процесс требует времени и специального оборудования. Один за другим варианты отпадали, оставляя горький при-

вкус

тупика.

Но чем ближе был вечер, тем яснее вырисовывалось единственно верное, как ему каза-
лось,

решение. Огонь. Огонь уничтожает всё — плоть, кости, улики. Если сжечь тело доста-
точно

долго и при достаточно высокой температуре, от него останется лишь горстка пепла, который можно развеять по ветру или смыть в канализацию. Никаких следов, никаких

ДНК,

никаких вопросов. Арон несколько раз прокрутил эту мысль в голове, взвешивая риски: дым мог привлечь внимание, но если выбрать правильное место — глухой пустырь, ста-

рую

печь в заброшенном промышленном здании или безлюдный берег реки, где можно раз-

вести

костёр, — то шансы остаться незамеченным возрастали многократно. Решение принято.

Арон резко поднялся из-за стола, чувствуя, как решимость приливает силами. Он подо-
шёл

к старому платяному шкафу, где хранил вещи, которые не носил, переоделся в самую

неприметную одежду: выцветшую чёрную куртку, поношенные тёмные джинсы, кепку с длинным

козырьком. В зеркале над комодом мелькнуло его собственное лицо — бледное, с запавшими

глазами, но взгляд был твёрдым. Он проверил карманы: ключи, бумажник с наличными

— никаких карт, никаких следов транзакций. Затем, прихватив пустой рюкзак, направился

к

выходу.

В дверях он задержался на мгновение, бросив взгляд на часы. Вечер только начинал опускаться на город, но в магазинах ещё было достаточно покупателей, чтобы затеряться среди них. Арон мысленно перебирал список покупок: канистра бензина или керосина

(он

знал одну заправку на выезде из города, где продавали топливо в тару без лишних вопросов), несколько упаковок хозяйственных перчаток, строительные мешки для мусора,

прочная верёвка, пластиковая плёнка. Возможно, стоит прихватить и небольшой топор или

пилу — для транспортировки, если части тела будут слишком громоздкими. От этой мысли

внутри кольнуло, но он подавил тошноту, напомнив себе, что выбора нет. Ещё никогда в жизни он не делал таких покупок, но сегодня — день, когда он переступит эту черту.

Арон толкнул дверь и вышел в холодные сумерки, плотно закрыв за собой замок. Шаги его

были быстрыми, но не суетливыми. Он двигался с чётким осознанием цели, как человек, который знает, что должен сделать, и не позволит себе отступить. Смеркалось, уличные фонари зажглись один за другим, и тени удлинялись, провожая его до самого поворота. Арон спустился во двор, где у старого гаража его ждала чёрная машина — неприметный седан с облезлой краской на капоте и потёртыми сиденьями. Он сел за руль, запустил двигатель, и автомобиль отозвался глухим урчанием. Выежая со двора, Арон бросил взгляд в зеркало заднего вида — пустая улица, никого. Он нажал на газ и направился в сторону окраины, где располагались строительные и хозяйственные магазины, торгующие

без лишних вопросов.

Первый магазин — небольшой, с тусклой вывеской «Всё для дома». Арон припарковался сбоку, подальше от камер, насколько это было возможно. Внутри пахло краской и опилками. Он быстро прошёл между стеллажами, словно точно знал, что ему нужно, хотя

на

самом деле в голове пульсировала одна мысль: не выдать себя, не привлечь внимания, не оставить следов. В корзину отправились: три рулона чёрных строительных мешков повышенной плотности, моток прочной верёвки, упаковка латексных перчаток, пласти-

ковая

плёнка шириной два метра и небольшой топор с резиновой рукояткой, заточенный под туристический инвентарь. На кассе он расплатился наличными, коротко ответил на вопрос

продавца о погоде и вышел, не оглядываясь.

Второй остановкой была заправочная станция на выезде из города. Арон достал из багажника две десятилитровые канистры из-под масла, которые привёз с собой, и попросил

заправить их бензином марки АИ-92. Заправщик, молодой парень с наушниками, не задал ни

одного вопроса — просто сунул пистолет в горловину и отвернулся к телефону.

Расплатившись, Арон аккуратно закрепил канистры в багажнике, предварительно проложив

их тряпками, чтобы не гремели.

Третья остановка — круглосуточный супермаркет на окраине, где он купил бутылку воды,

пачку печенья, зажигалку и дешёвый одноразовый дождевик. Всё это должно было выглядеть

как обычная закупка для вылазки на природу, если кто-то вдруг обратит внимание.

Теперь машина была полностью загружена. Арон выехал со стоянки, встроился в поток машин и направился в сторону центра, откуда можно было незаметно подъехать к антикварной лавке. Было решено не парковаться прямо у входа — слишком заметно.

Вместо

этого он оставил машину в соседнем переулке, за углом, где фонарь не горел уже вторую неделю, и камеры не доставали до этого тёмного пятка.

Пешком, держась в тени, он прошёл до лавки. Руки слегка дрожали, но он сжал их в кулаки, заставляя дрожь утихнуть. Ключ провернулся в замке почти беззвучно. Арон скользнул внутрь, плотно прикрыв за собой дверь, и на мгновение замер, вслушиваясь в тишину. В лавке было темно, только слабый свет уличного фонаря пробивался сквозь щели

в ставнях, выхватывая из мрака очертания старых комодов и картин. Он прошёл через зал,

стараясь не задеть ни один предмет, открыл дверь в подвал и начал спускаться по ступеням.

Там, в холодном воздухе, пропитанном запахом застоявшейся сырости, лежало тело Джорджа. Арон остановился на мгновение, глядя на бездвижную фигуру, но позволять эмоциям взять верх было нельзя. Он развернул пластиковую плёнку прямо на полу, аккуратно перекатил тело в центр плёнки, и на секунду задумался, —зубы, нужно избавиться от зубов. Он взял со стола плоскогубцы и начал выдергивать зубы, его вырывало. Когда приступ рвоты прекратился, он перевёл дыхание. Затем обернул его плотно, слой за слоем, словно кокон. Сверху надел два строительных мешка, зафиксировав

их верёвкой. Получившийся свёрток был громоздким, но не тяжёлым — истощённое тело весило немного. Арон с трудом, но справился сам: втащил свёрток вверх по лестнице, волоком протащил через зал, снял защиту с входной двери и, убедившись, что на улице никого нет, быстро вынес тело к машине.

Багажник распахнулся, и Арон с глухим стуком уложил свёрток внутрь, придавив сверху канистрами, чтобы не катался. Крышка захлопнулась, отрезав улику от внешнего мира.

Он

вытер вспотевший лоб тыльной стороной ладони, сел за руль и плавно тронулся с места. Теперь предстоял самый ответственный этап: незаметно выбраться из города, объезжая

все

возможные камеры, и добраться до глухого участка леса на берегу реки, где огонь

сделает своё дело. Арон знал этот маршрут — он несколько раз бывал там на рыбалке несколько лет назад. Дорога петляла по просёлкам, минуя оживлённые трассы, и вела прямо к тихому, забытому месту, где можно было развести костёр без лишних свидетелей.

Включив фары, он вырулил на тёмную улицу и направился к выезду из города, держась в стороне от главных магистралей. В зеркале заднего вида мелькали огни ночного города, но чем дальше он уезжал, тем реже становились фонари, пока их не сменила крошечная тьма леса, разрезаемая лишь светом фар старого седана. Арон сжал руль крепче и прибавил газу, стремясь как можно скорее оказаться на месте.

Ночь окутала лес плотной чернотой, лишь узкая полоска луны пробивалась сквозь редкие облака, освещая серебристым светом поверхность реки. Арон остановил машину на небольшой поляне, скрытой от просёлочной дороги густыми зарослями кустарника и высокими соснами. Двигатель заглох, и тишина обрушилась на него со всех сторон —

только

о шум воды и редкий крик ночной птицы нарушали безмолвие. Он вышел из машины, прикрыв

дверь без щелчка, и замер, вслушиваясь и вглядываясь в темноту. Ни огня, ни звуков мотора, ни голосов — только лес, река и холодный ветер. Арон медленно обошёл поляну

по

периметру, вглядываясь в просветы между деревьями. Убедившись, что он здесь абсолютно

одинок, он вернулся к машине и открыл багажник.

С глухим стуком он вытащил свёрток, обернутый в чёрный пластик и перевязанный верёвкой, и положил его на землю у самого берега, на небольшом удалении от воды. Тело Джорджа, скрытое в плотной оболочке, лежало неподвижно, словно бревно, выброшен-

ное

течением. Арон на мгновение задержал на нём взгляд, сглотнул, чувствуя, как пересохло в горле, но затем резко отвернулся и направился к заднему сиденью, где лежали канистры, топор, мешки и всё остальное, что он купил за день.

Он действовал методично, стараясь не думать о том, что именно делает. Сначала разло-

жил

на земле пластиковую плёнку — большой лист, который должен был предотвратить впитывание жидкостей в почву. Затем, достав топор, несколько раз глубоко вздохнул и принялся за работу. Ему пришлось расчленить тело, чтобы оно поместилось в костёр целиком и сгорело быстрее. Процесс был тяжёлым, как физически, так и морально. Арон работал молча, обливаясь потом, несмотря на холод, ни разу не остановившись, чтобы передохнуть. Отвращение и тошнота подкатывали к горлу, но он подавлял их усилием

воли.

Части тела он складывал аккуратно, словно дрова для костра.

Закончив с разделкой, Арон собрал все обрезки плёнки, окровавленные перчатки и лиш-

ние

тряпки в отдельный пакет — позже он сожжёт и их. Затем он сложил все части тела в одну большую кучу, обложил их сухими ветками, корой и щепками, собранными по краям

поляны.

Он полил всё содержимым канистры с бензином, щедро пропитывая каждую щель, каждую

складку, чтобы пламя взялось ровно и сильно. Оставшийся бензин он вылил вокруг импровизированного кострища, создав кольцо, которое должно было ускорить горение и не

дать огню погаснуть.

Проверив, чтобы ничего не осталось без внимания, Арон отошёл на несколько шагов назад

и достал зажигалку. Пальцы дрожали, но он глубоко вдохнул холодный воздух и заставил себя успокоиться. Чиркнул колёсиком — маленький язычок пламени вспыхнул в темноте. Он

поднёс огонь к пропитанным бензином веткам, и они вспыхнули мгновенно, с глухим шипением. Пламя жадно лизнуло чёрный пластик, охватило сначала края, а затем с ревом поднялось вверх, освещая поляну пляшущими оранжевыми бликами.

Арон стоял в трёх метрах от костра, скрестив руки на груди, и смотрел, как огонь пожирает вещественные доказательства его преступления. Жар обжигал лицо, дым щипал

глаза, но он не отводил взгляда. Он должен был убедиться, что всё прогорит дотла, что не останется ни кусочка кости, который мог бы выдать его. Костер трещал и гудел, выбрасывая искры в тёмное небо, а Арон стоял неподвижно и ждал, зная, что обратной дороги больше нет.

Когда последние языки пламени угасли, съёжившись до тлеющих углей, от костра осталась

лишь куча пепла и мелкие обугленные осколки, не поддающиеся опознанию. Арон несколько

минут стоял неподвижно, всматриваясь в пепелище, вороша палкой остатки, чтобы убедиться, что не осталось ни единой узнаваемой частицы. Ветер подхватывал лёгкий пепел и развеивал его над рекой, унося прочь последние следы Джорджа. Убедившись, что

огонь сделал своё дело до конца, Арон собрал пустые канистры, остатки верёвки, использованные перчатки, пустые упаковки и мешки — всё, что могло выдать его присутствие здесь. Он сложил это в багажник, решив сжечь или выбросить эти вещи позже,

в другом месте.

Он сел за руль, завёл двигатель и тронулся с места, не оглядываясь на поляну, где ещё несколько часов назад полыхал костёр. Машина медленно покатила по ухабистой просёлочной дороге, фары выхватывали из темноты стволы деревьев и редкие кусты.

Арон

вел почти на автомате, руки сами крутили руль, ноги давили на педали, но сознание находилось в странном, размытом состоянии. Мысли путались, насакивали одна на другую,

не складываясь в связную цепочку.

Он думал о Джордже — о том, как всё могло бы сложиться иначе, если бы он не запер его в подвале, если бы вовремя проверил, что даёт ему есть. Но тут же мысль перескакивала на Эмму: её смех, её улыбку, того парня в баре, флирт, такси, свет в окне. Следом всплывал образ полицейской машины с мигалками, потом — лица соседей, задающих вопросы,

и снова пепел, развеянный над водой. Арон чувствовал странную пустоту внутри, словно что-то важное выгнали вместе с телом Джорджа. Не было ни облегчения, ни торжества, ни

даже страха — только глухая, тягучая апатия, смешанная с лёгким головокружением. Он несколько раз провёл ладонью по лицу, пытаясь стряхнуть это оцепенение, но мысли продолжали роиться хаотичным роем, не желая укладываться в порядок.

В зеркале заднего вида лес постепенно удалялся, скрываясь в темноте. Арон выехал на асфальтированную дорогу, ведущую обратно в город. Фары встречных машин слепили глаза,

но он почти не замечал их, погружённый в свой внутренний туман. Он знал, что когда вернётся домой, нужно будет вымыть машину, избавиться от оставшихся вещей, переодеться

и попытаться уснуть. Но как уснуть после того, что он сделал? Этот вопрос повис в воздухе, оставшись без ответа, пока колёса мерно шуршали по асфальту, унося его всё дальше от места, где догорел последний уголёк его прежней жизни.

Арон припарковал машину во дворе своего дома, заглушил двигатель и несколько минут сидел неподвижно, глядя сквозь лобовое стекло на пустую ночную улицу. Руки всё ещё слегка дрожали, но он заставил себя выйти. В первую очередь нужно было избавиться от улики. Он достал из багажника канистры, мешки, остатки верёвки и перчатки — всё, что могло напоминать о произошедшем. Часть вещей он закинул в мусорный контейнер за гаражами, предварительно рассовав их по разным бакам, чтобы не привлекать внимания. Пустые канистры решил оставить пока в подвале дома — позже он выкинет их в другом районе.

Затем он занялся машиной. Ночь была холодной, но Арон работал быстро и методично: тщательно вымыл багажник с шампунем, несколько раз пропылесосил салон, протёр все ручки и сиденья влажной трябкой. Он действовал на автомате, словно робот, стараясь не думать о том, что именно он смывает с поверхности автомобиля. Когда машина заблестела

чистотой, он захлопнул дверцу, проверил, не осталось ли следов на асфальте, и направился к подъезду.

Войдя в квартиру, он первым делом скинул одежду прямо у порога — завтра он сожжёт её в

той же печи, если найдёт подходящее место. Затем шагнул под горячий душ и стоял под струями воды, пока кожа не покраснела, а пар не заполнил всю ванную. Вода стекала по лицу, унося с собой запах дыма, гари и пота, но не могла смыть то, что засело глубоко внутри. Арон закрыл глаза и прислонился лбом к прохладной плитке, пытаясь успокоиться,

но мысли продолжали метаться хаотичным роем.

Выйдя из душа, он надел чистую пижаму, выключил свет в комнате и лёг в постель. Тело гудело от усталости, веки тяжелели, но как только он закрывал глаза, перед внутренним взором всплывали картины одна другой ярче: остывающее тело Джорджа в подвале, его предсмертные хрипы, треск костра на берегу реки, чёрный пепел, уносимый ветром, и снова — лицо Джорджа, остановившийся взгляд. Арон переворачивался с боку на бок, комкал простыню, сбивал подушку, но сон не приходил. В голове крутились одни и те же вопросы: что будет завтра? Не всплывут ли следы? Задаст ли кто-нибудь вопросы о пропавшем парне? И главное — сможет ли он смотреть в глаза Эмме, зная, что прямо сейчас, в эту самую минуту, он стал тем, кого сам раньше презирал?

Часы на тумбочке мерно тикали, отсчитывая минуты бессонной ночи. Луна светила в окно,

отбрасывая длинные тени на стену. Арон лежал с открытыми глазами, глядя в потолок, и понимал: даже если тело исчезло, его преступление останется с ним навсегда. Заснуть в эту ночь ему так и не удалось.

ГЛАВА 14

Утром Арон проснулся от тусклого серого света, сочившегося сквозь шторы. Тело ломило

от бессонной ночи, голова была тяжёлой, но разум — на удивление ясным. Он понимал, что

нужно завершить начатое, замести последние следы, прежде чем жизнь вернётся в обычное

русло. Первым делом он достал из кармана куртки телефон Джорджа — дорогой смартфон в

серебристом корпусе, который всё это время пролежал в его вещах. Экран засветился, запрашивая пароль, но Арон знал его: Джордж, самоуверенный и беспечный, использовал

простую комбинацию — год своего рождения.

Он открыл социальные сети и, стараясь подражать манере Джорджа — коротко, пренебрежительно, с лёгким налётом пафоса, — опубликовал пост: «Решил сорваться в долгое путешествие. Европа, Азия, может быть, ещё дальше. Вернусь не скоро, не ищите. Всем удачи». Он несколько раз перечитал текст, убедился, что орфография в порядке, и нажал «опубликовать». Затем быстро пролистал ленту, удалил несколько старых сообщений,

которые могли бы вызвать вопросы, и стёр историю переписок. Вытащил сим-карту, сломал

её пополам, затем ещё раз — на мелкие кусочки. Сам телефон он выключил, положил в плотный пакет и решил утопить позже в реке, когда будет время.

Затем Арон подошёл к шкафу, достал небольшую стеклянную банку, которую хранил в тайнике за книгами. В банке лежали зубы Джорджа — он извлёк их перед кремацией, сам не

зная зачем. Может быть, как трофей, а может, как своеобразную страховку, если вдруг понадобится доказательство того, что Джорджа больше нет. Он открыл банку, безучастно посмотрел на белые осколки, затем завернул её в плотную ткань и положил в картонную коробку. Туда же отправился выключенный телефон, остатки сим-карты, несколько мелких

личных вещей Джорджа — зажигалка, брелок. Сверху, поверх всего этого, Арон положил медальон Джессики — тот самый, что когда-то принадлежал его бывшей девушке и хранился

у него как единственное напоминание о ней. Зачем он положил его именно сюда? Он и сам

не мог ответить на этот вопрос. Возможно, чтобы связать их в единую тайну, которую он унесёт с собой.

Арон подошёл к ванной, отодвинул пластиковую панель под потолком, где проходила вентиляция, и аккуратно уложил коробку в пустоту между перекрытиями. Затем вернул

панель на место, тщательно выровняв её, и провёл пальцем по швам — незаметно, словно ничего и не было. Он вышел из ванной, вымыл руки, надел чистую рубашку, тёмные брюки и

своё обычное пальто. В зеркале в прихожей отразился мужчина с бледным лицом и глубокими тенями под глазами, но взгляд был спокойным — слишком спокойным. Он взял ключи, проверил, заперта ли дверь, и спустился вниз. Через полчаса он уже стоял на пороге своей антикварной лавки, отпирая замок, словно ничего необычного не произошло. Утро было обычным: мимо прошёл почтальон, где-то вдалеке залаяла собака,

зазвенели трамваи. Арон вошёл внутрь, включил свет, поправил занавески и, как всегда, начал расставлять товары на витрине. Он вернулся к своей обычной жизни, но внутри что-

то неумовимо изменилось — навсегда.

Арон спустился по ступеням в подвал, и каждый шаг отдавался глухим эхом в тишине. Холод, который он установил накануне, всё ещё держался — воздух был сырым и прохладным, но трупный запах уже выветрился, оставив лишь привычный запах старого камня и пыли. Он остановился на пороге стеклянной камеры, той самой, где ещё сутки назад лежало тело Джорджа. Сейчас здесь было пусто: матрас, на котором тот лежал, был убран; пол тщательно вымыт с хлоркой, стены протёрты, всё выглядело так, будто ничего никогда не происходило. Арон провёл рукой по гладкой поверхности стекла — ни пятна,

ни

царапины. Он глубоко вздохнул, словно проверяя, не осталось ли в воздухе хотя бы намёка на недавние события, но подвал молчал, храня свою тайну.

Он вышел, тщательно запер дверь и поднялся обратно в торговый зал. День прошёл в привычной суете. Несколько покупателей зашли, интересуясь старинными часами и фарфоровыми статуэтками. Одна женщина долго выбирала подсвечник, другая приобрела

рела

комплект старых открыток. Арон обслуживал их с профессиональной вежливостью, улыбался,

отпускал шутки, принимал деньги — всё как обычно. Никто из посетителей не задерживал

на нём лишнего взгляда, не задавал неудобных вопросов. Лавка жила своей обычной жизнью.

К вечеру поток людей полностью иссяк. Арон закрыл дверь на замок, выключил свет в витринах и остался в полумраке зала один. Тишина обступила его со всех сторон, лишь старые часы мерно отсчитывали секунды. Он сел на стул у прилавка, положил руки на столешницу и уставился в одну точку на стене, погружившись в мысли, которые, казалось, застыли, как вода в ледяной глыбе. Всё было кончено — или только начиналось? Он не знал. Но одно он знал точно: он сделал выбор, и теперь ему предстоит жить с этим выбором. Завтра будет новый день, и он откроет лавку снова, улыбнётся первым покупателям и продолжит играть роль обычного антиквара, пока внутри, глубоко под полом, в промёрзшем подвале и в тайнике за плиткой, будет спать его страшная тайна.

ГЛАВА 15

Эмма сидела за своим столом в редакции, уткнувшись взглядом в монитор, где на экране медленно тянулась очередная бессмысленная статья о том, как правильно выбирать осеннюю

обувь. Слова сливались в серую массу, пальцы машинально стучали по клавиатуре, но мысли её витали где-то далеко — в антикварной лавке с запахом старой бумаги и полированного дерева, рядом с Ароном. Они не виделись уже два дня. Он не писал, не

звонил, не появлялся в её ленте новостей. Обычно он всегда находил способ напомнить о себе — коротким сообщением, шуткой в комментариях или внезапным появлением с двумя

стаканчиками кофе. Но сейчас — тишина. Эмма откинулась на спинку кресла, задумчиво покусывая колпачок ручки. "Интересно, что с ним? Может, обиделся? Или просто занят?" —

думала она, но ответа не находила.

Днём он не выходил у неё из головы — его голос, его улыбка, та мягкая забота, с которой он слушал её истории. А по ночам, когда одиночество становилось невыносимым,

она цепляла в барах случайных парней — лёгкий секс на одну ночь, чтобы забыться, чтобы

не думать, чтобы заглушить ту пустоту, что осталась после Джорджа. Но это не помогало. Утром она просыпалась с горьким привкусом во рту и чувством, что внутри что-то сломалось.

Эмма взяла в руки телефон — он беззвучно лежал на столе, словно тоже ждал каких-то новостей. Она открыла Facebook и принялась машинально скроллить ленту. Вдруг её взгляд

зацепился за знакомое имя — Джордж. Она нахмурилась и прочитала его новый пост: «Решил

сорваться в долгое путешествие. Европа, Азия, может быть, ещё дальше. Вернусь не скоро, не ищите. Всем удачи». Сначала она опешила, перечитала ещё раз, затем — ещё. Глаза расширились, сердце забило быстрее. — Вот мудак! — воскликнула она достаточно

громко, что сидевшая рядом коллега обернулась. — Он просто развлекается, пока я тут...

—

она сжала зубы, чувствуя, как внутри закипает злость. — Гори в аду, — прошептала она, глядя на экран.

Но через мгновение злость утихла, сменившись странным облегчением. Если Джордж уехал и

не собирается возвращаться, значит, он больше не будет маячить на горизонте, не будет напоминать о себе случайными встречами на улице или общими знакомыми. Он исчез. И, возможно, это шанс начать с чистого листа. Эмма почувствовала, как внутри что-то отпускает, и на губах заиграла лёгкая, чуть грустная улыбка. Она открыла контакты и нашла номер Арона. Пальцы на мгновение замерли над экраном, затем начали быстро печатать сообщение: «Привет! Давно не виделись. Я скучаю. Может, встретимся сегодня вечером у меня? Приходи, буду ждать». Она отправила, отложила телефон и почувствовала,

как по телу разливается тепло. Впервые за долгое время она сделала шаг навстречу тому,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.